

ШЕДЕВРЫ ДЕТЕКТИВА #1

Национальный бестселлер №1
от самого известного немецкого автора
психологических триллеров

СЕБАСТЬЯН
ФИТЦЕК

МЕНЯ ЗОВУТ СИМОН
МНЕ ДЕСЯТЬ ЛЕТ
Я — УБИЙЦА

Продано **12 000 000** экземпляров

Annotation

Берлинский адвокат Роберт Штерн признан и уважаем в юридических кругах, однако давняя душевная травма не отпускает его на протяжении вот уже десяти лет. И все-таки пережитое меркнет перед тем, с чем ему приходится столкнуться, когда бывшая подруга Карина Фрайтаг, медсестра в неврологическом отделении, привозит на встречу с ним своего пациента, который нуждается в услугах адвоката. Потенциальному клиенту Симону Саксу десять лет, он неизлечимо болен и утверждает, что пятнадцать лет назад убил человека.

Себастьян Фитцек

Я – убийца

SEBASTIAN FITZEK
DAS KIND

© 2008 by Verlagsgruppe Droemer Knaur GmbH & Co. KG, Munich Germany

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2017

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2017

* * *

Посвящается моим родителям и Виктору Ларенцу

*Устами младенца глаголет истина.
Житейская мудрость*

Когда несколько часов назад Роберт Штерн подтвердил эту странную встречу, он не подозревал, что соглашается на свидание со смертью. Тем более не догадывался, что познакомится с ней – рост около ста сорока трех сантиметров, кеды, улыбка – в какой-то заброшенной промзоне.

– Нет, она еще не пришла. И я уже начинаю терять терпение.

Штерн раздраженно посмотрел через забрызганное дождем лобовое стекло своего лимузина на глухое фабричное здание без окон, которое располагалось в ста метрах перед ним, проклиная свою помощницу. Она забыла отменить встречу с его отцом, который в этот же самый момент висел на второй линии.

– Позвоните Карине и узнайте, где ее, черт возьми, носит!

Штерн энергично нажал на кнопку на кожаной обшивке руля и после легкого щелчка услышал в динамиках кашель своего отца. Семидесятилетний старик беспрерывно курит. Даже сейчас, во время короткого ожидания, он сунул в рот сигарету.

– Мне очень жаль, папа, – сказал Штерн. – Я знаю, мы собирались сегодня поужинать дома. Но придется отложить все до воскресенья. Меня вызвали на одну абсолютно неожиданную встречу.

«Ты должен приехать. Пожалуйста. Я не знаю, что делать». Еще никогда голос Карины не звучал так испуганно, как в тот раз. И если это была игра, то несомненно заслуживала «Оскара».

– Наверное, я тоже должен платить тебе пятьсот евро в час, чтобы повидаться, – разгневанно фыркнул отец.

Штерн вздохнул. Он навещал отца три раза в неделю, но упоминать это сейчас бессмысленно. Ни сотни выигранных уголовных процессов, ни проигранные битвы в собственном развалившемся браке не смогли научить его брать верх в стычках с отцом. Как только он начинал спорить со стариком, тут же чувствовал себя маленьким мальчиком с плохими школьными отметками, а не сорокапятилетним Робертом Штерном, старшим компаньоном в «Лангендорф, Штерн и Данквитц» – ведущем адвокатском бюро в Берлине, специализирующемся на уголовных делах.

– Честно говоря, я понятия не имею, где нахожусь, – попытался Штерн оживить разговор. – Мой навигатор с трудом вывел меня сюда. – Он включил дальний свет и увидел куски неасфальтированной площадки, на которой громоздились ободранные металлические балки, ржавые провода и прочий промышленный мусор. Вероятно, раньше здесь производили краски и лаки, если Штерн верно интерпретировал гору пустых металлических бочек. На фоне кирпичного барака с провалившейся трубой они напоминали реквизит к фильму о конце света.

– Надеюсь, твой навигатор сможет потом найти дорогу к моей могиле, – откашлялся отец, и Штерн задумался, не передается ли эта озлобленность по наследству. Как-никак, он носил ее в себе. Уже почти десять лет.

С Феликса.

Те драматические события в роддоме сделали его очень похожим на отца. Штерн преждевременно состарился. Раньше он каждую свободную минуту проводил на баскетбольной площадке, совершенствуя технику броска. Сегодня едва попадал в корзину для

бумаг в своем кабинете, когда хотел избавиться от пустой банки из-под колы.

Большинство людей, которые не очень хорошо знали Штерна, обманывались его высоким ростом, крепким телосложением и широкими плечами. В действительности же сшитые на заказ костюмы прятали его давно уже не тренированные мышцы, смуглый природный цвет кожи маскировал круги под глазами, а удачная стрижка скрывала залысины на висках. По утрам ему требовался почти час, чтобы стереть с лица следы усталости, и, выходя из ванной, Штерн чувствовал себя живой пустышкой, красивой оберткой, отполированным дизайнерским предметом мебели, скрытые недостатки которого выявятся лишь при беспощадном потолочном освещении домашней гостиной.

Звонок по второй линии.

– Извини, я на секунду переключусь. – Штерн спасся от дальнейших упреков отца и ответил на звонок секретарши.

– Дайте я угадаю: Карина отменила встречу?

Это так на нее похоже. В профессиональном плане она была надежной и опытной медсестрой, организация же частных дел напоминала ее любовную жизнь: такой же хаос, непостоянность и отсутствие координации. Хотя их недолгие – всего несколько недель – отношения развалились уже более трех лет назад, они по-прежнему регулярно созванивались, а иногда даже встречались за чашкой кофе. И то и другое заканчивалось, как правило, ссорой.

– Нет, к сожалению, я не смогла дозвонится до фрау Фрайтаг.

– Ладно, спасибо. – Включил электронный прикуриватель и нервно вздрогнул, когда осенний ветер внезапно хлестнул в лобовое стекло дождем. Штерн включил дворники и на секунду задержал взгляд на красно-коричневом кленовом листке, который приклеился к окну. Потом обернулся и, хрустя щепенкой, медленно поехал задним ходом. – Если объявится Карина, пожалуйста, скажите ей, что я здесь больше не... – Штерн запнулся, когда посмотрел вперед, собираясь включить первую передачу. С расстояния двухсот метров навстречу ему мчалось что-то с мигающими сигнальными огнями, но это была не ветхая малолитражка Карины. Красно-белый автофургон взлетел по подъездной дорожке на максимальной скорости, которую допускали колдобины.

На мгновение Штерн решил, что водитель хочет врезаться в него, но машина скорой помощи свернула и остановилась сбоку.

– Папа? – Роберт переключился на другую линию, после того как попрощался со своей секретаршей. – Ко мне пришли, я должен завершить разговор, – предупредил он, хотя его отец уже давно положил трубку. Потом он с трудом открыл дверцу лимузина, сопротивляющуюся порывам ветра, и выбрался из машины.

«Какого черта она на машине скорой помощи?»

Карина прыгнула с водительского места в лужу, даже не обратив внимания, что забрызгала грязью свою белую форму медсестры. Длинные, насыщенного винного цвета волосы были собраны в строгий хвост – с ним Карина выглядела настолько очаровательно, что Штерну захотелось ее обнять. Но что-то в ее взгляде остановило его.

– Я по горло увязла в дерьме, – сказала Карина, доставая пачку сигарет. – Кажется, на этот раз я действительно напортачила.

– Что это за спектакль? – спросил Штерн. – Почему мы встречаемся не у меня в бюро, а именно здесь, на этом... этом поле битвы?

Теперь, оказавшись снаружи, Штерн почувствовал неприятную прохладу свежего

октябрьского ветра и зябко поежился.

– Давай не будем терять времени, ладно? Я одолжила машину скорой помощи и должна ее скоро вернуть.

– Хорошо. Но если ты что-то натворила, лучше обсудить это в цивилизованном месте.

– Нет, нет, нет. – Карина помотала головой и подняла руку, как бы защищаясь. – Ты не понимаешь! Речь не обо мне!

Уверенными шагами она обошла «скорую помощь», открыла заднюю дверь и указала внутрь:

– Твой подзащитный лежит там.

Штерн испытующе на нее посмотрел. Он уже со многим сталкивался в жизни, и вид подстреленного грабителя банка, жертвы нападения бандитов или другого сомнительного клиента, который нуждался в немедленной и прежде всего анонимной помощи, не представлял для него ничего нового. Штерн лишь недоумевал, какое отношение ко всему этому имеет Карина.

Но так как она молчала, он медленно взобрался по металлическим ступенькам внутри машины. Его взгляд тут же упал на тело, неподвижно лежавшее на кушетке.

– Что это значит? – Штерн резко обернулся к Карине, которая осталась стоять внизу на земле и закурила сигарету. Такое бывало редко, лишь когда она сильно нервничала. – Ты притащила сюда маленького мальчика? Зачем?

– Это он сам тебе расскажет.

– Не похоже, чтобы малыш был в состоянии... – «говорить», хотел закончить фразу Штерн, потому что мертвенно-бледный мальчик производил на него впечатление неживого. Но когда Роберт снова повернулся к мальчику, тот уже выпрямился и сидел на краю кушетки, болтая ногами.

– Я не малыш, – запротестовал он. – Мне уже десять! У меня был день рождения два дня назад.

Ребенок был одет в утепленную вельветовую куртку поверх черной футболки с изображением черепа и новехонькие, но, на взгляд Штерна, не по размеру большие джинсы с заплатами. Но что он в этом понимает? Вероятно, среди четвероклассников сейчас модно подворачивать штанины и носить разрисованные фломастерами скейтбордические кеды.

– Вы адвокат? – сипло спросил мальчик. Говорил он с трудом, словно в горле у него пересохло.

– Да, это я. Точнее, защитник по уголовным делам.

– Хорошо. – Мальчик улыбнулся, обнажив удивительно ровные и белые зубы. Этому милому мальчугану не нужна никакая щербинка, чтобы растопить сердце своей бабушки. Достаточно длиннющих темных ресниц и пухлых, чуть потрескавшихся губ. – Очень хорошо, – повторил он и, на секунду повернувшись спиной к Роберту, осторожно слез с кушетки. Чистые светлые, слегка вьющиеся волосы опускались ему до плеч, и со спины он легко сошел бы за девочку. Роберту бросилось в глаза, что на затылке у него наклеен лейкопластырь размером с кредитную карточку.

Мальчик, по-прежнему улыбаясь, повернулся к нему:

– Я Симон. Симон Сакс.

Он протянул Роберту хрупкую руку, которую тот нерешительно потряс.

– Отлично, а я Роберт Штерн.

– Я знаю. Карина показала мне вашу фотографию, которую носит в сумочке. Она

говорит, вы лучший.

– Спасибо, – немного смущенно пробормотал Штерн. Если он не ошибался, это был самый длинный разговор, который он вел с несовершеннолетним за многие годы. – Что я могу для тебя сделать? – неловко спросил Штерн.

– Мне нужен адвокат.

– Ясно! – Штерн вопросительно посмотрел через плечо на Карину, которая с окаменевшим лицом втягивала сигаретный дым.

Почему она так с ним поступает? Зачем вызвала в заброшенную промзону и свела с каким-то десятилетним ребенком, хотя знает, что он не умеет общаться с детьми. И избегает их с тех пор, как трагедия разрушила сначала его брак, а потом и его самого.

– И зачем же тебе адвокат? – спросил он, с трудом сглотнув закипающую злость. По крайней мере, эта комическая ситуация обеспечит пищу для веселых разговоров во время перерывов в бюро.

Штерн указал на пластырь у Симона на затылке:

– Из-за этого? Подрался с кем-то на школьном дворе?

– Нет. Не то.

– Что тогда?

– Я убил.

– Прости, что? – Штерн задал этот вопрос после короткой паузы, твердо уверенный в том, что десятилетний мальчик не мог произнести такие слова. В недоумении он вертел головой, переводя взгляд с Карины на ребенка и обратно, словно следил за летающим теннисным мячиком, пока Симон не повторил еще раз. Громко и четко:

– Мне нужен адвокат. Я убийца.

Где-то вдали залаяла собака, и лай смешался с несмолкаемым гулом близлежащего шоссе. Но Штерн не слышал этого, как и тяжелых капель дождя, которые время от времени с глухим стуком падали на крышу машины скорой помощи.

– Ладно. Ты думаешь, что кого-то убил? – спросил он после секундного оцепенения.

– Да.

– Можно поинтересоваться кого?

– Не знаю.

– Ага, значит, не знаешь. – Штерн сухо усмехнулся. – Вероятно, ты также не знаешь, как, почему или где это было, потому что все это глупая выходка, и...

– Топором, – прошептал Симон.

Но Штерну показалось, что мальчик это прокричал.

– Что ты сказал?

– Ударил топором. Мужчину. По голове. Больше я ничего не знаю. Это было давно.

Роберт нервно моргнул.

– Что значит – давно? Когда это произошло?

– Двадцать восьмого октября.

Адвокат посмотрел на указатель календарных чисел на своих наручных часах.

– Это сегодня, – раздраженно отметил он. – А ты сказал, что это случилось давно. Как тебя понимать? Ты должен определиться.

Если бы Штерну на перекрестных допросах всегда встречались такие удобные свидетели. Десятилетние дети, которые уже на первых минутах начинали путаться в показаниях. Но эта мечта продлилась недолго.

— Вы меня не понимаете. — Симон печально покачал головой. — Я убил мужчину. И именно здесь!

— Здесь? — эхом вторил Штерн, растерянно наблюдая за тем, как Симон осторожно протиснулся мимо него, вылез из машины скорой помощи и с любопытством осмотрелся. Штерн проследил за его взглядом, который задержался на полуразрушенном сарае для инструментов в ста метрах, рядом с небольшой куртиной деревьев.

— Да. Это было здесь, — удовлетворенно заверил Симон и взял Карину за руку. — Здесь я убил мужчину. Двадцать восьмого октября. Пятнадцать лет назад.

Роберт выбрался из машины скорой помощи и попросил Симона немного подождать. Потом грубо схватил Карину за запястье и отвел на три шага назад, к багажнику своего лимузина. Дождь теперь едва моросил, но стало темнее, ветренее и, в первую очередь, холоднее. Ни Карина в ее тонком халате, ни Роберт в своем костюме-тройке не были одеты по погоде. Но, в отличие от него, Карина не выглядела озябшей.

– Один вопрос, – прошептал он, хотя на таком расстоянии Симон никак не мог его слышать. Ветер и монотонный шум автострады поглощали все остальные звуки. – У кого из вас двоих поехала крыша?

– Симон – мой пациент в отделении неврологии, – ответила Карина, как будто это могло что-то объяснить.

– Ему больше подошло бы психиатрическое, – прошипел Штерн. – Что это за ерунда с убийством пятнадцатилетней давности? Он не умеет считать или просто шизофреник?

Роберт открыл багажник с помощью ключа-пульта дистанционного управления. Одновременно включил свет в салоне, чтобы хоть что-то видеть в дождливом сумраке.

– У него опухоль головного мозга. – Карина сложила большой и указательный пальцы в кольцо, чтобы продемонстрировать размер опухоли. – Врачи дают ему несколько недель. Или даже дней.

– Господи, это от нее такие побочные эффекты? – Штерн достал из багажника зонт.

– Нет. Это я виновата.

– Ты?

Он поднял глаза, переведя взгляд со своей руки, в которой держал новую дизайнерскую вещь с непонятным принципом работы. Штерн даже не смог найти кнопку, чтобы раскрыть зонт.

– Я же сказала, что напортачила. Ты должен знать: этот малыш очень смысленный, невероятно впечатлительный и удивительно эрудированный для своего возраста, что граничит для меня с чудом, учитывая, из какой он семьи. Когда ему было четыре, его забрали у неблагополучной матери. Из абсолютно запущенной квартиры – нашли умирающим с голоду в ванной рядом с дохлой крысой. Потом он попал в приют. Там на него обратили внимание, потому что мальчик охотнее читал энциклопедию, чем бесился с ровесниками. Воспитатели считали нормальным, что у ребенка, который так много думает, постоянно болит голова. Но затем у него в мозгу обнаружили эту опухоль, и с тех пор, как Симон попал в мое отделение, у него нет никого, кроме медперсонала. Вообще-то у него есть только я.

Карина все-таки озябла, потому что у нее начали дрожать губы.

– Не понимаю, куда ты клонишь.

– Позавчера у Симона был день рождения, и я захотела сделать ему особенный подарок. Ему, конечно, только десять. Но из-за своего жизненного опыта и болезни он более зрелый, чем другие дети в таком возрасте. Я решила, он достаточно взрослый для этого.

– Для чего? Что ты ему подарила? – Штерн наконец оставил попытки открыть зонт и приставил его, как указку, Карине к груди.

– Симон боится смерти, поэтому я организовала для него сеанс регрессии.

– Сеанс чего? – спросил Роберт, хотя совсем недавно видел что-то такое по телевизору.

Конечно, так типично для Карины испробовать и этот модный эзотерический прием.

Видимо, сама идея прошлой жизни завораживала людей всех возрастов. Эта тяга к сверхъестественному становилась идеальной почвой для сомнительных терапевтов, которые появлялись как грибы после дождя и за внушительный гонорар предлагали такие «сеансы регрессии»: путешествие в прошлое до рождения, во время которого человек узнавал – как правило, под гипнозом, – что шестьсот лет назад был сожжен на костре во Франции или коронован на царство.

– Не смотри на меня так. Я знаю, какого ты обо всем этом мнения. Ты даже не читаешь гороскоп.

– Как ты только могла подвергнуть этого мальчика такому мошенничеству?

Штерн испытал ужас. В телевизионном репортаже предупреждали о тяжелых психических травмах и последствиях. Люди с неустойчивой психикой часто не выдерживали, когда какой-то шарлатан убеждал, что все их настоящие проблемы связаны с неразрешенным конфликтом в предыдущей жизни.

– Я просто хотела показать Симону, что ничего не заканчивается после смерти. Он не должен грустить, что прожил так мало, потому что все продолжится.

– Скажи мне, что это шутка.

Она покачала головой:

– Я отвела его к доктору Тифензее. Он дипломированный психолог и преподает в университете. Так что не шарлатан, как ты наверняка думаешь.

– И что случилось?

– Он гипнотизировал Симона. Вообще-то ничего такого не происходило. В состоянии гипноза Симон почти ничего не мог разобрать. Лишь после он сказал, что был в темном подвале, где слышал голоса. Жуткие голоса.

Штерн поморщился. Холодок, пробежавший у него по спине, с каждой секундой становился неприятнее, но это была не единственная причина, почему Штерн хотел убраться отсюда как можно скорее. Где-то вдали товарный поезд мчался к следующей станции, и сейчас уже Карина перешла на шепот, как Штерн в начале их разговора.

– Когда Тифензее хотел вывести его из гипноза, у него сначала не получалось. Симон впал в глубокий сон. А когда проснулся, рассказал нам то же, что тебе. Он думает, что когда-то был убийцей.

Штерн хотел обтереть влажные ладони о свои густые коричневые волосы, но они были мокрыми от мороси.

– Это сумасшествие, Карина. Ты сама знаешь. Я только не пойму, как все это связано со мной.

– У Симона очень остро выражено чувство справедливости, и он непременно хочет пойти в полицию.

– Точно.

Роберт и Карина резко обернулись к мальчику, который незаметно подобрался к ним во время их жаркого спора. Ветер задувал локоны ему на лоб, и Штерн удивился, что у мальчика вообще еще остались волосы. Наверняка ему уже проводили химиотерапию.

– Я убийца. И это неправильно. Я хочу признаться. Но ничего не скажу без адвоката!

Карина грустно улыбнулась:

– Эту фразу он подхватил из телевизора. А ты, к сожалению, единственный защитник по уголовным делам, которого я знаю.

Штерн избегал смотреть ей в лицо. Вместо этого уставился себе под ноги на глинистую

землю, словно его кожаные туфли ручной работы могли подсказать, как лучше всего реагировать на эту бессмыслицу.

– И? – услышал он голос Симона.

– Что «и»? – Штерн взглянул мальчику прямо в глаза и удивился, что тот снова улыбается.

– Вы теперь мой адвокат? Я могу вам заплатить.

Симон не без труда достал из кармана джинсов маленькое портмоне.

– Деньги у меня есть.

Штерн покачал головой. Сначала слегка, потом все энергичнее.

– Есть, есть, – запротестовал Симон. – Честно.

– Нет, – ответил Штерн, с негодованием глядя не на Симона, а на Карину. – Дело вовсе не в этом, я прав? Ты ведь вызвала меня сюда не в качестве адвоката?

Теперь настала ее очередь потупить.

– Нет, не как адвоката, – тихо созналась она.

Штерн тяжело выдохнул и швырнул неиспользованный зонт обратно в багажник. Потом отодвинул в сторону портфель, который лежал там, приподнял пластиковую крышку и вытащил вместе с аптечкой ручной фонарик. Проверил луч света: направил на покосившийся сарай для инструментов, на который до этого указал Симон.

– Ладно, тогда давай покончим с этим.

Он погладил Симона свободной рукой по голове и сам не поверил, что сказал это десятилетнему мальчику.

– Покажи мне точное место, где ты убил человека.

Симон повел его за сарай. Много лет назад там находилась двухэтажная производственная постройка. Но потом она сторела, и сейчас на фоне облачного вечернего неба из земли торчали лишь обуглившиеся фрагменты стен, напоминавшие изуродованные ладони.

– Видишь, здесь ничего нет.

Карманный фонарик медленно блуждал по руинам.

– Но он должен лежать где-то тут, – ответил Симон, словно речь шла о потерянной перчатке, а не о труп. У мальчика тоже был крохотный фонарик. Пластиковая флуоресцентная палочка, которая при надламывании светила в темноте.

– Из волшебного ящика, – объяснила Карина Штерну. Видимо, помимо сеанса регрессивного гипноза мальчик получил на день рождения и нормальные подарки.

– Мне кажется, это было там, внизу, – возбужденно сказал Симон и сделал шаг вперед.

Штерн проследил за его вытянутой рукой и посветил в сторону бывшей лестничной клетки, от которой теперь остался лишь вход в подвал.

– Но мы не можем туда спуститься. Это опасно для жизни.

– Почему? – спросил мальчик, неуклюже перетаптываясь в своих кедах на сложенных горкой кирпичах.

– Останься здесь, милый. Это все может обрушиться. – В голосе Карины звучало непривычное беспокойство. Раньше в присутствии Роберта она всегда была весела. словно хотела компенсировать постоянно тлеющую в нем меланхолию избытком жизнерадостности. Но сейчас ей вдруг стало страшно, что Симон ведет себя как невоспитанный пес, которого отпустили с поводка. Он просто побежал дальше.

– Смотрите, там вход! – неожиданно крикнул мальчик.

И пока оба продолжали протестовать, его кудрявая головка исчезла за железобетонной балкой.

– Симон! – закричала Карина.

Штерн поспешил вслед за ним, неловко перешагивая через строительный мусор. В темноте он несколько раз оступался и порвал штанину, зацепившись ею за ржавую проволоку. Когда наконец добрался до входа в подвал с черной как сажа деревянной лестницей, Симон, спустившийся уже ступеней на двадцать, заворачивал за угол.

– Немедленно выходи оттуда! – крикнул Штерн в глубь шахты и сразу проклял необдуманный выбор слов. В ту же секунду он понял, что воспоминания, которые будила в нем эта фраза, были хуже всего, что могло с ним здесь случиться.

«Выходи оттуда. Милая, пожалуйста. Я помогу тебе...»

Это была не единственная ложь, которую он внушал тогда Софи через запертую дверь ванной комнаты. Безуспешно. За четыре года они чего только не перепробовали. Все техники и способы лечения, пока наконец не раздался долгожданный звонок из клиники репродуктивной медицины. Положительный результат. Беременна. Тогда, почти десять лет назад, ему показалось, что некая высшая сила по-новому настроила компас его жизни. Стрелка вдруг стала указывать на счастье в самой его сверхчистой форме. К сожалению, в таком положении она оставалась недолго. Штерн успел только украсить потолок новой детской светящимися звездами и вместе с Софи выбрать детскую одежду. Феликс ни разу ее

не надел. Его похоронили в ползунках, которые медсестры надели на него в роддоме.

– Симон?! – позвал адвокат так громко, что выдернул сам себя из мрачной задумчивости, и вздрогнул от неожиданности, когда Карина рядом с ним тоже выкрикнула имя мальчика.

– Мне кажется, здесь что-то есть! – послышался снизу приглушенный детский голос.

Штерн выругался и нащупал ногой первую ступень.

– Все бесполезно, придется туда спуститься.

И эти слова напомнили ему об ужасных моментах его жизни. Когда Софи с мертвым младенцем на руках заперлась в больничном туалете и не хотела отдавать сына. «Синдром внезапной смерти младенца» – так звучал диагноз, в который Софи отказывалась верить. На второй день после родов.

– Я с тобой, – заявила Карина.

– Не вздумай, – предостерег Штерн и осторожно поставил на ступень вторую ногу. Лестница выдержала тридцать пять килограммов, теперь он пытался убедиться, выдержит ли она двойную нагрузку. – У нас только один фонарик, и к тому же кто-то должен будет позвать на помощь, если мы не выберемся оттуда через две минуты.

Гнилая древесина трещала при каждом шаге, как такелаж парусного судна при легком шторме. Штерн был не уверен, изменяет ли ему чувство равновесия, или лестница и правда раскачивалась все сильнее, чем глубже он спускался.

– Симон? – позвал он уже в пятый раз, но в ответ услышал лишь легкий металлический лязг вдалеке. Как будто мальчик стучал по батарее отверткой.

Некоторое время спустя Штерн с колотящимся сердцем стоял у подножия лестницы и оглядывался. Снаружи было так темно, что он даже не мог различить очертания фигуры Карины. Он посветил направо, в тамбур, который разделялся на два прохода. В каждом стояла илистая мутная вода.

Невероятно, что мальчик отважился войти в эту трясину. Штерн выбрал левый проход, потому что справа уже через несколько метров путь преграждал перевернутый распределительный ящик.

– Ты где? – спросил он, когда холодная вода коснулась его лодыжек.

Симон снова не ответил, но хотя бы подал знак. Он закашлял. В нескольких шагах от Штерна, но Роберт все равно не мог обнаружить его своим фонариком.

«Я замерзну и умру», – подумал он, чувствуя, как штанины, подобно промокательной бумаге, впитывают влагу. Его сотовый зазвонил, когда Штерн разглядел в десяти метрах перед собой деревянную стену.

– Где он? – Голос Карины звучал уже почти истерично.

– Понятия не имею. Наверное, в соседнем проходе.

– Что он говорит?

– Ничего. Он кашляет.

– О боже. Вытащи его оттуда! – Голос Карины срывался от волнения.

– Думаешь, чем я сейчас занимаюсь? – огрызнулся Роберт.

– Ты не понимаешь. Опухоль. Так бывает, когда все начинается...

– Что ты имеешь в виду? Что бывает?

Штерн снова услышал кашель Симона. На этот раз еще ближе.

– Бронхиальные спазмы всегда предшествуют обмороку. Он скоро потеряет сознание! – кричала Карина так громко, что Штерн слышал ее одновременно сверху снаружи и по

телефону.

«Он упадет лицом в воду. И захлебнется. И задохнется, как...»

Штерн заторопился и в панике не заметил деревянную обуглившуюся балку, которая свисала с потолка. Со всей силы налетел на нее и ударился головой. Но гораздо сильнее боли был шок. Штерн решил, что на него напали, и, защищаясь, вскинул обе руки вверх. Когда понял, что ошибся, было слишком поздно: карманный фонарик помигал две секунды под водой, потом свет погас.

– Черт! – Штерн вытянул пальцы вправо, чтобы коснуться стены подвала. Затем шаг за шагом стал осторожно продвигаться вперед, стараясь не потерять ориентацию в темноте. Пока это не представляло проблемы: в конце концов, он шел исключительно прямо. Гораздо больше его беспокоило, что Симон больше ни разу не кашлянул. – Эй, ты еще здесь? – прорычал он, и вдруг у него в ухе что-то щелкнуло. Как в самолете при посадке, пришлось несколько раз сглотнуть, чтобы избавиться от заложенности и давления в ушах. Затем он снова услышал тихий хрип. Впереди. За деревянной стеной – десять метров вперед и за угол. Ему нужно туда. В соседний проход. К Симону. Вода замедляла движения, но, к сожалению, скорости Штерна хватило, чтобы вызвать злополучную цепную реакцию. – Симон, ты меня... Помогите-и-и-ите!

На последнем слове его увлекло вниз. Нога запуталась в старом телефонном проводе, который, как ловушка для кабана, петлей затянулся вокруг лодыжки в вонючей грязной воде. Штерн еще пытался удержаться, зацепиться пальцами за влажную стену, но лишь сломал два ногтя, прежде чем рухнул на пол.

По характеру удара он догадался, что, видимо, достиг конца подвального коридора, так как упал не в воду, а наткнулся руками на податливую деревянную дверь. Послышался хруст – похожий на тот, что раздался, когда он сделал первый шаг вниз по лестнице, только гораздо более громкий, – и Штерн проломил что-то, по звуку напоминающее лист фанеры. Или дверь. От дикого ужаса Штерну показалось, что он летит в открытую горнодобывающую шахту или бесконечно глубокий колодец, но уже через несколько сантиметров его падение было жестко остановлено утоптанной землей. Единственный положительный момент во всей ситуации заключался в том, что вода еще не проникла в этот уголок подвала. Вместо этого с потолка и стен срывались неопределенные предметы и падали на Штерна.

О боже. Штерн не решался потрогать нечто округлое, среднего размера, что свалилось ему на колени. Поначалу казалось – в каком-то сумасшедшем бреду, – что он касается синюшных губ и распухшего лица – мертвого лица Феликса.

Потом сумрак немного рассеялся. Штерн поморгал и не сразу понял, где находится источник неожиданного света. Лишь когда она встала прямо перед ним, Штерн узнал Карину, которая еле-еле освещала зеленоватым экраном телефона место, куда он провалился.

Штерн увидел, как она кричит, еще до того, как услышал. На долю секунды Карина беззвучно открыла рот – и лишь потом раздался ее пронзительный вопль, который эхом отскочил от бетонных стен. Штерн закрыл глаза.

Наконец он набрался мужества и посмотрел вниз.

Его чуть не вырвало.

Голова, лежавшая у него на коленях, торчала, как набалдашник карниза, на остатках трупа, частично превратившегося в скелет. Со смесью недоверия, отвращения и непередаваемого ужаса Штерн отметил зияющую расщелину, которая осталась в многострадальном черепе от удара топором.

Слезы наворачивались полицейскому на глаза быстрее, чем он успевал моргать. Мартин Энглер застонал, не открывая рта, запрокинул голову и стал ощупью шарить рукой по столу, пока не нашел то, что искал. В последнюю секунду разорвал упаковку, вытащил носовой платок и приложил к носу.

Аа-а-апчхи-и-и.

– Прошу прощения. – Следователь комиссии по расследованию убийств шмыгнул носом, и Штерн подумал, не вырвалось ли у того вместе с мощным чихом какое ругательство.

Было бы неудивительно. После того как Штерн добился оправдательных приговоров для многих нарушителей, задержанных лично Энглером, адвоката вряд ли можно было причислять к закадычным друзьям комиссара.

– Хм.

Тучный мужчина, сидевший рядом с Энглером, откашлялся. Штерн быстро повернулся к чиновнику, у которого из-под двойного подбородка выпирал мощный кадык. Войдя в комнату для переговоров, он представился Томасом Брандманом. Без звания или должности. И за исключением гортанных хрюкающих звуков, которые каждые пять минут доносились из его глотки, он не произнес с тех пор ни одного слова. Штерн не знал, что и думать. В отличие от Энглера, который за двадцать лет стал практически частью инвентаря уголовной полиции, этого великана он видел впервые. Его нежелание общаться могло означать, что он руководит расследованием. Или обратное.

– Хотите? – Энглер поднял в воздух упаковку аспирина. – Судя по вашему виду, вам тоже не помешает.

– Нет, спасибо. – Штерн покачал головой и потрогал ноющую шишку у себя на лбу. После падения в подвале голова его гудела, и Штерн сердился, что даже сейчас, несмотря на покрасневшие глаза и насморк, комиссар производил более живое впечатление, чем он сам. Солярий и утренние пробежки в лесу имели другой эффект, нежели долгие ночи в бюро перед компьютером.

– Хорошо, тогда я резюмирую.

Следователь взял записную книжку, и Штерн не смог подавить улыбку, когда Брандман опять откашлялся, хотя ему по-прежнему нечего было сказать.

– Вы обнаружили труп сегодня во второй половине дня, около семнадцати тридцати. Мальчик, Симон Сакс, в сопровождении медсестры, Карины Фрайтаг, привел вас к месту преступления. Вышеупомянутому Симону десять лет, у него опухоль головного мозга, и в настоящее время...

Энглер перелистнул страницу.

– ...он проходит лечение в отделении неврологии клиники Вестэнд. Утверждает, что убил этого человека в прошлой жизни.

– Да, пятнадцать лет назад, – подтвердил Штерн. – Если не ошибаюсь, я повторяю вам это уже в восьмой раз.

– Не ошибаетесь, но...

Энглер замолчал на середине предложения и, к удивлению Штерна, снова закинул голову. Потом зажал обе ноздри большим и указательным пальцами.

– Не обращайтесь внимания, – прогнусавил он, напоминая какого-то комического

персонажа. – Чертовое кровотечение из носа. Оно у меня всегда, когда я простужен.

– Тогда вам лучше не принимать аспирин.

– Разжижает кровь, я знаю. Так на чем мы остановились? – Энглер все еще говорил в серый потолок. – Ах да. Восемь раз. Верно. Столько вы уже рассказали мне эту историю. И каждый раз я спрашиваю себя, не назначить ли вам тест на наркотики.

– Не сдерживайтесь. Если хотите еще больше нарушить мои права, пожалуйста. – Штерн повернул ладони внутренней стороной вверх, словно держал поднос. – Уже не так много в жизни доставляет мне удовольствие, но подать в суд на вас и всю вашу организацию стало бы приятным развлечением.

– Пожалуйста, не волнуйтесь, господин Штерн.

Роберт вздрогнул.

«Надо же, какое чудо, – подумал он. – Двухметровый великан рядом с Энглером все-таки умеет говорить».

– Вас ни в чем не подозревают, – пояснил Брандман.

Штерн не мог сказать точно, не послышалось ли ему «пока».

– Просто чтобы не было сомнений. – Роберт поборол искушение тоже откашляться. – Я адвокат, но не сумасшедший. Я не верю в переселение душ, реинкарнацию и прочую эзотерическую ерунду и не провожу свободное время за откапыванием скелетов. Беседуйте с мальчиком, а не со мной.

– Обязательно, как только он проснется, – кивнул Брандман.

Они нашли Симона без сознания в соседнем проходе. К счастью, обморок наступил не так неожиданно, как первый приступ два года назад. Когда опухоль в переднем отделе головного мозга дала о себе знать. Симон до крови разбил себе лоб о стол учителя, когда упал по пути к доске прямо в классе. На этот раз он успел опереться спиной о стену, прежде чем осел на пол в подтопленном подвальном коридоре. За исключением того, что мальчик погрузился в глубокий сон, с ним все было в порядке.

Карина повезла его в больницу, и поэтому Штерн был один на месте преступления, когда там появился Энглер собственной персоной со своими парнями и командой экспертно-криминалистического отдела.

– Еще лучше, если вы обратитесь к терапевту, – посоветовал Штерн. – Неизвестно, что этот Тифензее внушил Симону под гипнозом.

– Эй, отличная мысль. Психолог! Черт, никогда бы не догадался.

Энглер цинично улыбнулся. Носовое кровотечение прекратилось, и он снова смотрел Штерну в глаза.

– Значит, вы говорите, убитый лежит там уже пятнадцать лет?

Штерн застонал.

– Нет. Это не я говорю, а Симон. Но, вероятно, в этом он даже прав.

– Почему?

– Ну, я, конечно, не патологоанатом, но в подвале влажно, а труп находился в темноте, за деревянной перегородкой, куда, как и в закрытый гроб, не поступает кислород. Но все равно некоторые части тела почти полностью разложились. К сожалению, и голова, которую мне пришлось держать в руках. А это означает...

– ...что мертвец оказался там не вчера. Правильно.

Штерн удивленно обернулся. Он не слышал, как вошел мужчина, который нарочито небрежно стоял в дверях, прислонясь к косяку. Со своими сидящими черными волосами и

тонированными очками в золотой оправе Кристиан Хертцлих напоминал скорее стареющего тренера по теннису, чем начальника комиссариата при Управлении уголовной полиции. Штерн задавался вопросом, давно ли непосредственный руководитель Энглера слушает их жаркий спор.

– Благодаря нашей современной судебной медицине мы уже очень скоро узнаем точную дату смерти, – сказал Хертцлих. – Но не важно, случилось ли это пять, пятнадцать или пятьдесят лет назад, – он сделал шаг ближе, – в любом случае очевидно одно: это не мог быть Симон.

– Я того же мнения. Это все? – Штерн поднялся, нервно отодвинул манжет рубашки и демонстративно посмотрел на часы на запястье. Почти половина одиннадцатого.

– Само собой разумеется. Вы можете идти. Мне все равно нужно обсудить с обоими господами нечто более важное.

Хертцлих взял свернутую в трубочку картонную папку, которую все это время держал под мышкой, и презентовал ее своим служащим как трофей.

– Дело приняло новый, абсолютно удивительный оборот.

Мартин Энглер дождался, пока адвокат закроет за собой дверь. Он больше не мог сдерживать злость и так резко подскочил с места, что его деревянный стул опрокинулся.

– Что это был за бред?

Брандман откашлялся и даже собирался что-то сказать. Но на этот раз его опередил Хертцлих, который положил на стол папку лицевой стороной вниз.

– Почему? Все прошло просто великолепно.

– Ерунда, так нельзя проводить допрос, – возразил Энглер своему шефу. – Такими глупостями я больше не занимаюсь.

– Что вас так возмущает?

– То, что я стал посмешищем. На эту уловку «хороший полицейский – плохой полицейский» никто больше не ведется. Тем более человек уровня Роберта Штерна.

Хертцлих посмотрел вниз на свои нечищенные кожаные ботинки, шнурки которых были безнадежно спутаны. Потом удивленно покачал головой:

– Вообще-то, Энглер, я думал, что вы поняли методику.

Методика. Какая дурь. Энглер кипел от злости.

С тех пор как к ним присоединился Брандман, не проходило ни одной недели, чтобы Энглер не принимал участие минимум в одном семинаре по психологическим аспектам ведения переговоров. Великана одолжили три недели назад в рамках образовательной программы у Федерального управления уголовной полиции, где комиссар считался опытным психологом-криминалистом. Официально он был приставлен к команде Энглера в качестве консультанта, но, похоже, его статус уже повысился до следователя по особо важным делам. В любом случае Энглеру приходилось терпеть его даже во время допроса.

– Должен согласиться с комиссаром Хертцлихом, – дружелюбно вставил психолог-криминалист. – Вообще-то все прошло как по учебнику. – Он откашлялся. – Сначала Штерн занервничал из-за долгого ожидания. Потом, из-за моего молчания, он не смог определить, к какому лагерю я отношусь. В этом, между прочим, заключается отличие от устаревшей методики допроса, которую вы только что описали, господин Энглер.

Брандман сделал искусственную паузу, и Мартин задался вопросом, почему этот тип глупо улыбается ему, читая нотацию.

– Именно потому, что я не играл «доброго полицейского», нервозность Штерна переросла в смятение, и он начал искать подход к вам. А не найдя, в конце концов разозлился.

– Хорошо, возможно, я даже довел бы его до лая, если бы мы постарались. Я только спрашиваю себя, к чему весь этот спектакль.

– Тот, кто злится, допускает ошибки, – проговорил Хертцлих, и Энглер не в первый раз задумался о том, насколько неподходящими могут быть некоторые имена^[1]. Он не знал никого во всем полицейском отделении, кто бы согласился перейти на «ты» с шефом на рождественском празднике.

– Кроме того, нам были нужны различные эмоции Штерна для зрительного анализа его рефлексов.

Зрительный анализ рефлексов. Отслеживание взгляда. Пупиллометрия. Все это новомодная ерунда. Уже неделю мрачная комната для допросов, где они сейчас напустились

друг на друга, в экспериментальных целях была подключена к всевозможному оборудованию. Одна из трех скрытых камер была направлена в глаза допрашиваемому. Согласно теории, преступника выдавало частое моргание, сужение зрачка и изменяющийся угол зрения при допросе. На практике Энглер соглашался с этим, но придерживался мнения, что опытный следователь не нуждается в такой чепухе, чтобы распознать ложь.

– Нам остается лишь молиться, чтобы Штерн не выяснил, что его снимали. – Он указал на стену за своей спиной. – Этот тип один из самых компетентных адвокатов в городе.

– И вероятно, убийца, – добавил Хертцлих.

– Да вы сами в это не верите! – Энглер сглотнул и быстро прикинул в уме, в какую дежурную аптеку можно заскочить по пути домой. Ему срочно нужен какой-нибудь обезболивающий спрей для горла.

– У парня IQ выше, чем Эверест. Он не идиот, чтобы привести нас к трупам человека, которого сам же и убил.

– Именно, и это может быть хитрый ход. – Начальник комиссариата приподнял тяжелые очки, чтобы потереть блестящие крылья носа, на которых остались отпечатки от оправы. Энглер не помнил, чтобы хоть раз видел глаза своего шефа. В полицейском отделении делали ставки, что он даже в кровать ложится с этим чудовищем на носу.

– Возможно, он к тому же свихнулся, – вслух размышлял Хертцлих, обратясь в сторону Брандмана. – В любом случае история с этим мальчиком кажется мне не вполне... здоровой.

– Он производит впечатление психически неуравновешенного человека, – согласился психолог.

Энглер закатил глаза.

– Повторяю: мы теряем время не на того человека.

Хертцлих удивленно повернулся к нему:

– Я думал, вы терпеть его не можете.

– Да, Штерн сволочь. Но не убийца.

– Что вам это подсказывает?

– Двадцать три года опыта. У меня на такое нюх.

– Ну да, мы видим, как хорошо он сегодня работает.

Хертцлих единственный рассмеялся над своей шуткой, и Энглер отдал должное Брандману, что тот еще не полностью подпал под влияние начальника комиссариата. Но, к сожалению, уже не успел обосновать, почему Роберт Штерн неспособен зарубить человека топором. Неожиданно из носа ручьями хлынула кровь. Когда целлюлозный носовой платок окрасился в темно-красный цвет, Энглеру пришлось снова закинуть голову.

– А, неужели снова...

Хертцлих недоверчиво разглядывал его.

– До этого я думал, что носовое кровотечение – часть шоу. В таком случае вы вообще в состоянии вести расследование?

– Да, это просто небольшой насморк. Ничего страшного.

Он оторвал от носового платка две чистые полоски, скрутил их и вставил турундочки в ноздри.

– Уже все в порядке.

– Хорошо. Тогда собирайте команду и приходите ко мне в кабинет через десять минут.

Энглер застонал про себя и посмотрел на часы. Без четверти одиннадцать. Помимо того что ему нездоровилось, он должен срочно выпустить погулять Чарли. Несчастный пес,

запертый в маленькой квартире, ждал его уже более десяти часов.

– Не делайте такое лицо, Энглер. Это недолго. Ознакомьтесь с делом. Тогда вы поймете, почему я хочу, чтобы вы продолжали прорабатывать Штерна и задали ему жару.

Энглер взял папку со стола.

– Почему? Что там написано? – крикнул он вслед Хертцлиху, который уже собирался выходить из комнаты для допросов.

– Имя одного знакомого. – Хертцлих обернулся. – Теперь мы знаем, кто жертва.

На следующий день, когда в двенадцатом часу ночи Штерн переступил порог своей виллы, его отвлек печальный голос на автоответчике. За прошедшие сутки Карина много раз пыталась дозвониться, но оставила одно-единственное сообщение. За это время ее тоже допросили, а сегодня утром главврач временно отправил Карину в отпуск.

– У Симона все хорошо. Он спрашивает о тебе. Боюсь, теперь у тебя два клиента, которым нужен адвокат, – устало пошутила она. – Они правда могут прицепиться к тому, что я увезла Симона из больницы? – Карина нервно засмеялась и положила трубку.

Штерн два раза нажал на семерку и удалил сообщение. Он перезвонит ей завтра, в субботу. Если вообще перезвонит, потому что больше не хотел иметь со всей этой историей никакого дела. У него и так проблем по горло.

Не снимая пальто, Штерн прошел с почтой под мышкой в гостиную. Включив ненадолго свет, он оглядел комнату, которая выглядела так, словно до него здесь уже побывала организованная банда воров и вывезла на грузовике всю дорогую мебель и ценные предметы. На мгновение Штерн застыл на месте, потом выключил свет, который напоминал ему о том убогом помещении, где вчера его допрашивали Энглер и Брандман. После всех событий этой недели он мог вынести вид собственного запущенного жилища только в полутьме.

Шаги Штерна по паркету вишневого дерева эхом отдавались от голых стен дома. По пути к дивану он прошел мимо опрокинутого садового стула и засохшего растения. Ни полук, ни штор, ни шкафов или ковров – не было ничего. Только покосившаяся серебристая напольная лампа без абажура стояла рядом с диваном. Даже включенный, торшер не смог бы осветить огромную гостиную, так как три из четырех лампочек отсутствовали. Поэтому непосредственным источником освещения служил в основном допотопный ламповый телевизор, который стоял прямо на полу в двух метрах от пустого камина.

Штерн опустился на диван, схватился за пульт дистанционного управления и закрыл глаза, когда на экране появились белые помехи.

«Десять лет», – подумал он и провел ладонью по пустому дивану рядом с собой. Он погладил шероховатую кожу, нащупал прожженное место от бенгальского огня. В одну новогоднюю ночь Софи так смеялась, что он выпал у нее из рук. Десять лет назад. Тогда у нее уже была двухнедельная задержка.

В отличие от него Софи удалось после смерти Феликса сбежать от самой себя. В качестве укрытия она выбрала второй брак. У нее уже родилось двое детей-близняшек. Девочки наверняка были единственной причиной, почему Софи не потонула в депрессии.

«Как я».

Штерн открыл глаза и разорвал ленту воспоминаний. Потом вытащил пробку из полупустой бутылки вина, которая уже несколько дней стояла на полу. Вкус был отвратительный, но напиток соответствовал его назначению. Так как Штерн никогда не ожидал гостей, в холодильнике ничего другого не было – и даже появившись кто-то из коллег у него перед дверью, чего еще не случалось ни разу, он не впустил бы того в дом.

Не без причины он каждый год поручал охранной фирме снабдить все окна и двери новейшей защитой от взлома. При этом вполне осознавал, что монтеры, вероятно, считали его ненормальным. Потому что во всем здании не было ничего ценного.

Но Штерн боялся не воров. Он опасался любопытных. Людей, которые заглянут за его

тщательно оберегаемый фасад из дорогих костюмов, отполированных до блеска служебных автомобилей и идеально чистых панорамных кабинетов с видом на Бранденбургские ворота и обнаружат там пустую душу Роберта Штерна.

Он сделал еще один глоток из бутылки и случайно пролил немного красного вина, которое кровавым пятном расплзлось по его белой рубашке. Когда он устало посмотрел на себя, в голове невольно промелькнуло воспоминание о родимом пятне. Софи первой обнаружила его, когда взяла на руки Феликса – выкупанного и без одеяла, в которое младенца заворачивают сразу после рождения. Сначала они переживали, что образование на плече может быть злокачественным изменением кожи, но врачи их успокоили.

– По форме напоминает Италию, – еще смеялась Софи, нанося детское масло. После этого было торжественно решено провести первый семейный отпуск в Венеции. В итоге они добрались только до кладбища Вальдфридхоф.

Штерн отставил в сторону бутылку вина и просмотрел почту. Два рекламных буклета, один штраф и еженедельная выписка с банковского счета. Самое личное послание – новый DVD из интернет-проката. С тех пор как Штерн стал получать фильмы по почте, он даже перестал ходить в выходные в видеотеку. Он открыл маленький бумажный конверт, не взглянув на название фильма. Вероятно, он его уже видел. Штерн в основном заказывал фильмы по возможности без детей и любовных сцен, поэтому выбор был невелик.

Вставив DVD в проигрыватель, он снял пиджак и небрежно бросил его на пол, потом снова откинулся на подушки. Он устал, как собака, и выдержит только несколько минут, прежде чем уснет на диване, как это часто происходит в выходные. К счастью, не было никого, кто нашел бы его здесь на следующее утро. Ни семьи. Ни друзей. Ни даже домработницы.

Адвокат включил воспроизведение и ожидал увидеть один из нелепых предупреждающих роликов, которые нельзя перемотать вперед и в которых грозят тюрьмой за нелегальное копирование последующего фильма.

Вместо этого изображение несколько раз дернулось, как в любительском видео из отпуска. Штерн нахмурился и приподнялся на диване. Неожиданно он узнал заснятое помещение, и это открытие полностью вывело его из полусна. Вдруг все вокруг исчезло из поля его восприятия. Штерн не ощущал ни бутылку, которая выскользнула у него из рук, ни ее кроваво-красного содержимого, которое уже полностью разлилось на белую рубашку. Все внешние раздражители отошли на второй план, и остались только он и телевизор. И даже тот изменился. Штерну казалось, что он смотрит не на экран, а вглядывается в пыльное окно, за которым находится комната, в которую он никогда больше не хотел входить. Когда камера приблизила изображение, Штерн испугался, что сошел с ума. Через секунду он был в этом уверен.

Зеленоватое изображение отделения для новорожденных замерло, когда он услышал искаженный голос:

– Вы верите в жизнь после смерти, господин Штерн?

Слова, доносившиеся из динамиков, звучали с металлическим оттенком, но все равно казались до жути осязаемыми. Роберту даже хотелось обернуться и удостовериться, не стоит ли их источник, из плоти и крови, прямо за ним.

После секундного ужаса он спустился с дивана и на коленях медленно подполз к телевизору. Недоверчиво коснулся наэлектризованной стеклянной поверхности и ощупал электронную надпись – указание даты, – словно это шрифт Брайля.

Но даже и без этой подсказки не было сомнений, когда и где сделана эта видеозапись: десять лет назад, в больнице, в которой Феликс появился на свет с розовыми щеками и которую покинул уже через сорок восемь часов с похолодевшими и посиневшими губами.

Пальцы Штерна скользнули к середине экрана. Его новорожденный малыш лежал в боксе из оргстекла, в окружении многочисленных детских кроваток. И Феликс был жив! Он шевелил хрупкими ручками, как будто хотел дотянуться до мобиле – декоративного украшения в виде облаков, которое Софи и Роберт смастерили из ватных шариков задолго до рождения сына и подвесили на металлический каркас кроватки.

– Вы верите в переселение душ? В реинкарнацию?

Роберт вздрогнул перед телевизором и подался назад, как будто дух его сына обращался лично к нему. Размытое изображение ребенка в светло-голубом «конверте» настолько взбудоражило все его чувства, что Роберт почти забыл о гулком голосе.

– Вы понятия не имеете, во что втянулись, не так ли?

Штерн, словно в трансе, покачал головой, как будто и правда мог общаться с анонимным оратором, который звучал как больной раком, вынужденный говорить с помощью ларингофона.

– К сожалению, я не могу вам открыться по причинам, которые вы вскоре сами поймете. Поэтому мне показалось наиболее целесообразным связаться с вами таким способом. Вы защитили свой дом, как настоящую крепость, господин Штерн. За исключением одного: вашего почтового ящика. Надеюсь, вы не злопамятны и не обиделись, что я подменил DVD и несколько нарушил ваш пятничный ритуал. Но поверьте мне: я сейчас покажу вам гораздо более захватывающие вещи, чем документальный фильм о жизни животных, который вы заказали.

Все это время Штерн пристально, не моргая, смотрел на Феликса, так что на глаза навернулись слезы.

– Тем не менее должен попросить вас особенно сконцентрироваться сейчас.

Когда формат кадра уменьшился, а лицо Феликса увеличилось, Штерн ощутил боль в животе, словно кто-то пнул его со всей силы.

Кто это снимал? И зачем?

Через секунду он был не в состоянии формулировать другие вопросы. Ему хотелось отвернуться, убежать в туалет, чтобы вместе с остатками скудного обеда очиститься от всех воспоминаний, но невидимые тиски удерживали его лицо в прежнем положении. И поэтому ему приходилось терпеть крупнозернистые изображения, на которых его сын открыл глаза.

Широко. Удивленно. Недоверчиво. Словно догадывался, что его крохотное тельце скоро откажет. Феликс жадно ловил ртом воздух, задрожал и посинел, как будто подавился слишком большой костью.

Роберта стошнило на паркет. Когда спустя несколько секунд, прикрывая рот рукой, он снова взглянул на экран, все закончилось. Его сын, который только что еще дышал, смотрел пустым взглядом, приоткрыв рот, в камеру, которая снова показывала всю палату: четыре кровати. Все заняты. И в одной было невыносимо спокойно.

— Мне очень жаль. Я знаю, что эти последние кадры Феликса были наверняка болезненными для вас.

Скрипучие слова резали, как лезвия.

— Но так было нужно, господин Штерн. Я должен сказать вам что-то важное. И я хочу, чтобы вы воспринимали меня всерьез. А сейчас я уже могу быть уверенным, что полностью завладел вашим вниманием.

Роберту Штерну казалось, что он уже никогда в жизни не сможет мыслить ясно. Прежде чем он осознал, что туманная завеса перед глазами – это слезы, которые текли у него по лицу, прошло какое-то время, рассчитанное и заложенное безжалостным голосом.

«Это правда произошло? Я действительно только что видел последние секунды жизни моего сына?»

Он хотел встать, вытащить DVD из проигрывателя, выбросить телевизор из закрытого окна и в то же время знал, что в таком шоковом состоянии не сможет даже поднять правую руку. Единственное движение, на которое еще было способно его тело, оказалось непроизвольным. Его ноги бесконтрольно дрожали.

«Кто делает это со мной? И зачем?»

Картинка на экране сменилась. Страх Роберта усилился.

Вместо отделения новорожденных появилось изображение заброшенной промзоны, где он вчера ждал Карину. Съемка велась некоторое время назад, в солнечный весенний или летний день.

– Вчера во второй половине дня вы нашли труп на территории этой бывшей фабрики по производству красок.

Голос сделал паузу. Штерн моргнул и узнал сарай для хранения инструментов.

– Мы очень долго этого ждали. Пятнадцать лет, если быть точным. Мальчик действительно говорит правду. Спустя такое длительное время мы вообще-то рассчитывали на какого-нибудь бродягу или собаку, которая случайно обнаружит тело. Но вместо этого пришли вы. Целенаправленно. В сопровождении. И поэтому вы сейчас в игре, господин Штерн. Хотите того или нет.

Камера повернулась на триста шестьдесят градусов и быстро показала безымянный небольшой грузовик рядом с ветхими зданиями, затем сфокусировалась на сгоревшей постройке, куда Роберт последовал за Симоном несколько часов назад.

– Я хочу узнать от вас, кто убил человека, которого вы нашли вчера в этом подвале.

Штерн растерянно покачал головой.

«Что это значит? При чем тут Феликс?»

– Кто забил до смерти этого мужчину? Для меня это вопрос безотлагательной важности.

Штерн уставился на голубоватый цифровой индикатор DVD-проигрывателя, как будто причина его душевных мук таилась в серебряном металлическом аппарате.

– Я хочу, чтобы вы взялись за дело Симона. Если бы вы знали, кто я, то поняли бы, почему не могу сделать это сам. Поэтому вы должны стать его адвокатом. Выясните, откуда мальчик узнал о трупе.

Голос тихо рассмеялся.

– Но так как я знаю, что адвокаты никогда не работают без гонорара, делаю вам деловое предложение. Примете вы его или нет, полностью зависит от того, как ответите на мой вопрос, господин Штерн: верите ли вы в переселение душ?

На экране появились помехи в виде снега, какие бывают у старых черно-белых телевизоров с плохо настроенной комнатной антенной. Потом качество изображения резко улучшилось. Фабричные руины исчезли. Если верить высвечивающимся цифрам, новые яркие кадры были сделаны лишь несколько недель назад. Тошнота Штерна усилилась. За

исключением года это была точная дата рождения его сына.

– Ну как, вы его узнаете?

Загорелый мальчик со слегка вьющимися волосами до плеч был без рубашки, его обнаженный торс украшало только черное коралловое ожерелье. Он знал, что его снимают, и с нетерпением смотрел в камеру. Неожиданно он поднялся со стула, немного неуклюже, и убежал. У Штерна остановилось сердце, когда он заметил пятнышко на спине мальчика. Темно-фиолетовое родимое пятно на левом плече. В форме сапога. «Этого не может быть. Это невозможно!»

Щеки Роберта горели, как после пощечины. Мальчик с чертами лица, которые казались ему чужими и одновременно такими знакомыми, вернулся с ножом в руке. Кто-то за кадром, видимо, что-то ему крикнул. Он смущенно заулыбался, сделал глубокий вздох и выпятил свои полные губы. Теперь камера сместилась сантиметров на двадцать вниз и показала именинный торт, который стоял на столе. Шварцвальдский вишневый торт. Ребенку понадобилось две попытки, чтобы задуть десять свечей, торчащих из крема.

– Посмотрите на него внимательно, господин Штерн. Подумайте о последних кадрах, на которых вы только что видели Феликса. Вспомните о маленьком гробике, который сами несли к могиле. И затем ответьте на один очень простой вопрос: вы верите в жизнь после смерти?

Роберт поднял руку: на мгновение ему очень захотелось прижать пальцы к матовому экрану. Пульс зашкаливал, и Роберта охватило нереальное ощущение, что он смотрится в омолаживающее зеркало.

«Неужели?.. Этого не может быть. Феликс умер. Он был холодным, когда я забрал его у Софи из рук. Я сам его похоронил и...»

– Глядя на это видео, можно засомневаться, не так ли?

«...и видел, как он умер. Только что!»

Штерн сдавленно кашлянул. От ужаса он задержал воздух, но теперь его легкие требовали кислорода – а невероятные картинки безжалостно мелькали дальше. Мальчик на экране разрезал торт.

«Но это может быть только... Это просто совпадение».

Десятилетний мальчик был левшой. Как Роберт.

Штерна начало трясти. Он как будто смотрел на уменьшенную копию самого себя. Точно так он выглядел, когда был маленьким мальчиком. Совпадало абсолютно все. Волосы, чуть широко расставленные глаза, немного выдающийся подбородок, ямочка, появляющаяся при улыбке только на правой щеке. Если он поищет в подвале и вытащит из коробок старые фотоальбомы, то обязательно найдет пожелтевший снимок, на котором точно так же смотрит в камеру. Тогда, в десятилетнем возрасте.

«И у него есть родимое пятно».

Сейчас оно, конечно, больше. Но пропорции и форма точно соответствовали родинке, которую обнаружила Софи, когда впервые взяла голенького Феликса на руки.

– Вот наше предложение.

Голос снова требовал внимания Штерна и звучал еще жестче, чем до этого.

– Я дам вам ответ в обмен на ваш ответ. Вы скажете мне, кто зарубил топором этого мужчину пятнадцать лет назад, а я открою вам, существует ли жизнь после смерти.

На этих словах мальчик-именинник исчез, и Роберт снова перенесся в ярко освещенный зал отделения новорожденных. Два стоп-кадра сменяли друг друга с ужасной методичностью. Феликс в своей кровати. Сначала живой, потом мертвый.

– Найдите убийцу и получите имя и адрес мальчика, которого только что видели. Живой. Мертвый. Живой...

Штерн хотел встать, чтобы излить в крике свою боль, но у него не было сил. Мертвый.

– Ответ за ответ. Позаботьтесь о Симоне. Терапевта мы берем на себя. У вас пять дней. И ни часом больше. Если не уложите в этот срок, то больше ничего не услышите от меня и никогда не узнаете правду. Ах да. Еще кое-что.

В голосе звучала скука, с которой в конце рекламы какого-нибудь лекарственного средства предупреждают о рисках и побочных действиях.

– Не обращайтесь в полицию. Если вы это сделаете, я убью близнецов. Потом экран погас.

– Ты выпил?

Софи стояла босиком в коридоре перед спальней, откуда выскочила с телефоном, чтобы не разбудить мужа. Патрику, который через несколько часов вылетает в командировку в Японию, нужно выспаться. Кроме того, уже глубоко за полночь, и Софи пришлось бы что-то выдумывать, спроси он, почему бывший муж звонит посреди ночи, хотя в последние годы не удосуживался даже поздравить ее с днем рождения.

– Прости за беспокойство. Я знаю, дети уже спят. У них все в порядке?

Хотя он и не отреагировал на ее вопрос, Софи услышала ответ в его голосе: он звучал ужасно.

Да, конечно, у них все хорошо. Они спят. Глубоко и сладко, как все нормальные люди в это время. Какого черта тебе нужно?

– Сегодня я кое-что... – Роберт осекся и начал снова: – Мне очень жаль, но я должен тебя кое о чем спросить.

– Сейчас? Это не может подождать до утра?

– Это и так уже слишком долго ждет.

Софи остановилась на сизалевом половике по пути в гостиную.

– О чем ты? – Время суток, голос Роберта, намеки – абсолютно все в этом телефонном звонке встревожило ее, поэтому неудивительно, что Софи озябла, тем более что спала она в одной только футболке и трусиках.

– У тебя тогда были сомнения, что...

Софи закрыла глаза, пока Роберт продолжал говорить. Никакое другое слово не вызывало у нее столько негативных эмоций, как «тогда». Особенно когда его произносил мужчина, который забрал у нее из рук Феликса.

– Я имею в виду, ведь не было никаких причин...

– Куда ты клонишь? – Она начинала злиться.

– Во время беременности ты не курила, Феликс был не слишком тепло одет и находился в «конверте», который исключает положение лежа на животе.

– Я сейчас повешу трубку.

Софи не понимала, зачем Роберт разбудил ее, чтобы перечислить факторы риска внезапной детской смерти. Хотя за этим мистическим собирательным понятием стоит около сорока процентов всех случаев смерти среди детей грудного возраста, ее причины были почти неизвестны. Что неудивительно, если относить к этой категории каждый необъяснимый случай смерти внешне здорового младенца.

– Подожди, пожалуйста! Ответь мне только на этот вопрос!

– Какой? – Софи посмотрела в гардеробное зеркало и испугалась собственного отражения. Она увидела смесь печали, отчаяния и усталости.

– Я знаю, ты ненавидишь меня с тех пор, как это случилось.

– У тебя жар? – спросила Софи. Роберт не только бормотал и запинаясь, как пьяный, но и голос его звучал простуженно.

– Нет, со мной все в порядке. Мне нужен только ответ.

– Но я тебя не понимаю. – Она начала предложение на повышенных тонах и потом старалась с каждым словом говорить тише, чтобы не разбудить ни Патрика, ни близнецов.

– Он уже не дышал, тело начало костенеть, когда ты в конце концов открыла дверь ванной комнаты. – В трубке послышался шорох, Роберт помолчал. – Вопрос такой: почему ты все равно не была уверена? Почему думала, что Феликс еще жив?

Софи нажала на кнопку и бессильно опустила руку с зажатым телефоном. На смену прежней усталости пришло состояние одурманенности, которое обычно наступало после приема снотворного. В то же время она чувствовала себя так, словно застучала у себя в квартире вора, который копался в ее нижнем белье. Именно это и произошло, подумала она, направляясь к детской. Своим звонком Роберт вломился в ее мир и резко открыл один из ящиков ее души, который ей удалось задвинуть и крепко заколотить, – результат многолетней тяжелой работы не без поддержки ее нового мужа, чудесных близнецов и дипломированного психоаналитика.

Она приоткрыла дверь и затаила дыхание. Одежда Фриды сбилась и лежало у нее в ногах, а сама она мирно спала, обхватив одной рукой плюшевого пингвина. Маленькая грудь Натали тоже равномерно поднималась и опускалась. В первый критический год после их рождения Софи заводила будильник каждые два часа, чтобы проверить малышей. Теперь она заглядывала к близняшкам, только если просыпалась ночью, чтобы сходить в туалет. И вместо гнетущего страха, который сопровождал ее при этом раньше, появилась просто заботливая рутина. До этого момента. До звонка Роберта.

«Почему ты думала, что Феликс еще жив?»

Мягкий матрас прогнулся, когда Софи присела к Натали на кровать и откинула влажные волосы у нее со лба.

– Иногда я все еще так думаю, – прошептала она. Затем нежно поцеловала дочку в лоб и тихо заплакала.

Так же как мы проживаем тысячи сновидений в нашей нынешней жизни, так же и сама наша жизнь всего лишь форма одной из тысяч жизней, в которые мы вступаем из другого более реального мира, возвращаясь снова и снова после смерти.

Лев Толстой

С каждым человеком приходит в мир что-то новое, чего еще не было, что-то первоначальное и небывалое.

Мартин Бубер

Врожденные дефекты и родимые пятна представляют наглядное доказательство реинкарнации и повторной земной жизни человека.

Ян Стивенсон

Возможно, это было из-за переутомления. Вероятно, столкновение произошло потому, что он не смотрел вперед, а вновь и вновь прокручивал перед глазами то видео.

Вчера Штерн больше не решился смотреть видео полностью. Он не хотел еще раз наблюдать предсмертную агонию Феликса. Поэтому сразу перемотал на именинника. Снова и снова разглядывал безымянного мальчика. В замедленном режиме, как стоп-кадр и в быстрой перемотке. После десятого повтора глаза Роберта были настолько раздражены, что казалось, он уже замечает красноватые дефекты изображения – следы износа диска.

В результате сегодня утром, после бессонной ночи, Роберт снова чувствовал себя таким же беспомощным и раздавленным, как в день похорон Феликса. Он потерял чувство реальности. Его рациональный мозг юриста был натренирован всегда смотреть на проблемы с двух сторон. Клиент или виновен, или не виновен. В настоящий момент личный кошмар, который настиг его вчера, ничем не отличался от трагедий, которыми Роберт занимался в профессиональном плане. Точно так же имелось два варианта: Феликс или мертв, или все еще жив. Мальчик с родимым пятном был как две капли воды похож на Штерна. Но это еще не доказательство.

«Доказательство чего?» – спросил себя Роберт, выходя из больничного лифта. Как всегда, когда он размышлял над какой-то сложной проблемой, перед его внутренним взором возникала пустая белая стена, на которую он прикреплял воображаемые бумажки с разными гипотезами. Для серьезных случаев у него в голове имелось что-то вроде уединенной комнаты, где он скрывался каждый раз, когда хотел собраться с мыслями. «ФЕЛИКС ЖИВ», – заглавными буквами значилось на самом большом листке.

«Но как такое возможно?»

Конечно, еще очень долго после похорон он задавался вопросом, не подменили ли Феликса. Но в тот момент он был единственный мальчик в отделении новорожденных. У трех других матерей родились девочки. Поэтому риск перепутать младенцев полностью исключался. Кроме того, еще перед вскрытием он убедился, что оплакивает своего младенца. Даже сегодня Роберт помнил то чувство, когда приподнял тельце на металлическом столе, чтобы на прощание погладить родимое пятно.

«Тогда все-таки переселение души? Реинкарнация?»

Штерн мысленно разорвал листок, прежде чем всерьез рассматривать эту версию. Он адвокат. И для решения проблем обращался к статьям закона, а не к парапсихологии. Как бы ни было тяжело. Он придерживался старого тезиса. «ФЕЛИКС = МЕРТВ», – написал он на третьем листочке и только собирался его зафиксировать, как мысли снова начали скакать и путаться.

«Но зачем кому-то сеять сомнения по поводу его смерти? И как все это связано с Симоном? Откуда, ради всего святого, мальчик знал про труп в том подвале на заброшенной фабрике?»

Штерн спрашивал себя, что может говорить о его душевном состоянии решение в это субботнее утро отправиться в клинику Зеэхаус, чтобы прояснить последний вопрос. Штерн был настолько погружен в свои мрачные мысли, что не услышал медбрата, который катил на физиотерапию пожилого мужчину в кресле-каталке. Оба напевали рефрен классического шлягера «АББА» «Money, Money, Money», когда Штерн завернул за угол больничного

коридора и влетел в них на всей скорости.

Он ударился о каталку, потерял равновесие и отчаянно замахал руками в поиске какой-нибудь опоры. Скользнув пальцами по рукаву медбрата, беспомощно оперся о голову больного и в конце концов, падая, схватил того за запястье. В результате вырвал у мужчины в кресле-каталке катетер капельницы и рухнул на мятно-зеленый линолеум.

– Боже мой, господин Лозенски? – Бородатый медбрат обеспокоенно присел на корточки перед пациентом, который полушутливо махнул рукой.

– Все в порядке, все в порядке. Со мной же ангел-хранитель. – Старик вытащил из-под футболки цепочку, на которой болтался серебряный крест. – Лучше позаботьтесь о нашем друге внизу.

Штерн потирал подушечки на ладонях, где ободрал кожу о шероховатое искусственное напольное покрытие.

– Мне ужасно жаль, – извинился Роберт, поднявшись на ноги. – У вас все в порядке?

– Это как посмотреть, – хмыкнул медбрат и осторожно закатал рукав старого мужчины до локтя. – Капельницу придется потом еще раз поставить, – пробормотал он, бросив взгляд на тыльную сторону кисти старика, всю в пигментных пятнах, и попросил господина Лозенски приложить ватку к месту входа иголки. Потом осмотрел костлявую руку на предмет перелома или синяков. Несмотря на кулаки боксера, движения медбрата были осторожными и почти нежными.

– За вами гонятся? Почему вы носитесь по неврологическому отделению?

Штерн успокоился, что медбрат не нашел ничего, внушающего опасения.

– Меня зовут Роберт Штерн, простите ради бога, господин... – Ему не удалось разобрать потертую и поцарапанную именную табличку на кителе медбрата.

– Франц Марк. Как художник. Но все зовут меня Пикассо, потому что мне больше нравятся его картины.

– Ясно. Еще раз простите. Я был слишком погружен в свои мысли.

– Мы заметили, не правда ли, Лозенски?

Прямо от мочек ушей Пикассо вниз по щекам спускались густые бакенбарды, которые переходили в светло-коричневую эспаньолку. Когда медбрат улыбнулся и обнажил солидный ряд зубов, то стал похож на классического Щелкунчика.

– Разумеется, я возьму ущерб, который причинил.

Штерн вытащил бумажник из внутреннего кармана пиджака.

– Нет, нет, нет... так у нас дела не делаются, – запротестовал Пикассо.

– Вы меня неправильно поняли. Я просто хотел дать вам мою визитку.

– О, вот с этим можете не утруждаться, верно, Лозенски?

Старик в кресле-каталке кивнул и с шаловливым выражением лица изогнул одну из внушительных бровей. В отличие от его редких волос на голове брови двумя мощными пучками стальной шерсти выступали над впалыми глазницами.

– Боюсь, я вас не понимаю.

– Вы до смерти напугали нас обоих. А Фредерик уже не так крепок после второго инфаркта, верно?

Пожилой мужчина кивнул.

– Несколькими купюрами тут не отделаешься, если хотите избежать шумихи.

– Как тогда быть? – Штерн нервно улыбнулся и подумал, не с сумасшедшим ли имеет дело.

– Мы хотим, чтобы вы нагнулись.

Он хотел уже покрутить пальцем у виска и уйти, но тут до него дошла шутка. Он

улыбнулся, поднял с пола черную бейсбольную кепку, которую, вероятно, сорвал с головы старика, и вернул владельцу в каталке.

– Именно. Теперь мы квиты. – Пикассо засмеялся, а его престарелый подопечный прыснул, как школьник.

– Вы фанат? – спросил Штерн, пока старик обстоятельно обеими руками нахлобучивал кепку. На лбу золотыми буквами было написано «АББА».

– Конечно. Божественная музыка. Какой у вас любимый хит?

Мужчина в кресле-каталке приподнял козырек, чтобы убрать непослушную белую прядь.

– Даже не знаю, – ответил Штерн, растерявшись. Он хотел навестить Симона и обсудить с ним вчерашние события. И был не расположен к беседам о шведской поп-музыке семидесятых.

– Я тоже, – ухмыльнулся Лозенски. – Они все хороши. Все до одного.

Пикассо подтолкнул кресло-каталку вперед, и новенькие колеса мягко зажужжали по блестящему полу.

– Кстати, к кому вы пришли? – Медбрат снова обернулся к Штерну.

– Я ищу палату 217.

– Симона?

– Да, вы его знаете? – последовал за ними Штерн.

– Симон Сакс, наш сирота, – ответил медбрат и через несколько шагов остановился перед неприятно серой дверью с надписью «Физиотерапия». – Конечно, я его знаю.

– А кто его не знает? – пробормотал пожилой мужчина, которого вкатили в светлую комнату с множеством гимнастических ковриков на полу, шведской стенкой и многочисленными спортивными снарядами. Старик словно обиделся, что разговор теперь крутился не вокруг него одного.

– Он наша радость. – Пикассо остановил кресло-каталку рядом с массажным столом. – Не везет ему. Сначала органы опеки лишили его мать родительских прав, потому что та чуть не заморила его голодом. А теперь еще опухоль в голове. Врачи говорят, доброкачественная, потому что не образует метастаз. Тьфу!

На долю секунды Штерну показалось, что медбрат собирается плюнуть на пол.

– Не понимаю, что там доброкачественного, если эта штука растет и когда-нибудь сдавит его головной мозг.

Дверь соседнего кабинета открылась, и в комнату вошла азиатка в костюме для занятий дзюдо и миниатюрных ортопедических ботинках. Вероятно, она понравилась Лозенски, потому что он снова начал насвистывать мелодию «АББА». Но на этот раз его «Money, Money, Money» напоминало исполнение строителя, который провожает взглядом грудастую блондинку.

Выйдя в уже более людный коридор, Пикассо вытянул руку и указал на вторую дверь слева от сестринской:

– Это там.

– Что?

– Ну, комната 217. Одноместная палата Симона. Но просто так вам туда нельзя.

– Почему?

Штерн уже опасался худшего. Симону настолько плохо, что посещение возможно только в стерильной одежде?

– Вы без подарка.

– Простите?

– Больным приносят или цветы, или шоколад. На крайний случай десятилетнему мальчику подойдет какой-нибудь музыкальный журнал или что-нибудь еще. Но вы не должны появляться с пустыми руками у ребенка, которого через неделю уже может не...

Пикассо не успел закончить предложение. Краем глаза Штерн заметил какое-то мигание и повернулся налево, чтобы определить, где именно сработал сигнал вызова медперсонала. Когда он заметил красную моргающую лампочку над той самой дверью, то бросился вслед за медбратом, который уже спешил на экстренный вызов. Прямо перед палатой 217 Штерн его нагнал.

В первый раз он проснулся около четырех и вызвал медсестру. Карина не пришла, что обеспокоило его гораздо больше, чем подкатывающая тошнота. По утрам она всегда дрожала где-то в пищеводе, между глоткой и желудком, и успокаивалась лишь после приема сорока капель метоклопрамида. Только если он просыпался слишком поздно и головная боль уже стучала в висках, проходило несколько дней, прежде чем его самочувствие возвращалось к «четверке» по личной шкале.

Так Карина всегда измеряла его общее состояние. Каждое утро она в первую очередь спрашивала о числе, где единица означала «жалоб нет», а десять – «невыносимые боли».

Симон не помнил, когда в последний раз чувствовал себя лучше чем на «тройку». Но это может случиться сегодня, если печальный мужчина, стоящий у его кровати, побудет с ним еще немного. Симон был рад увидеть его лицо.

– Простите, что напугал вас. Я только хотел включить телевизор.

– Ничего. – Волнение сменилось большим облегчением, когда выяснилось, что Симон нажал на кнопку экстренного вызова случайно. Удостоверившись, что с ребенком все в порядке, Пикассо оставил его наедине с нервничающим адвокатом.

– Вы нравитесь Карине, – начал разговор Симон. – А Карина нравится мне. Так что я ничего против вас не имею. – Мальчик подтянул колени и сложил ноги под одеялом по-турецки. – У нее сегодня выходной?

– Э-э-э, нет. То есть я не знаю. – Штерн медленно пододвинул стул к единственной кровати, стоящей в палате, и сел. Симон заметил, что адвокат бы одет почти так же, как позавчера, когда они встретились на заброшенной фабрике. Вероятно, в его шкафу висело несколько темных костюмов.

– Вам нехорошо? – спросил он.

– Почему?

– Карина сказала бы, что вы выглядите неважно.

– Я плохо спал.

– Разве из-за этого сердятся?

– Иногда.

– А, я знаю, что вам мешает. Извините. – Симон потянулся к ящику прикроватной тумбочки и вытащил парик из натуральных волос. – Позавчера вы даже не заметили, верно? Это мои настоящие. Мне обрезали их, прежде чем профессор Мюллер начал работать чернильным ластиком.

– Чернильный ластик?

Умелым движением Симон нахлобучил парик, прикрыв им нежный пушок у себя на голове.

– Да, иногда они обращаются здесь со мной как с малышом. Я, конечно, знаю, что такое химиотерапия, но главврач объяснял мне это, как трехлетнему. Сказал, что у меня в голове находится большое темное пятно, а таблетки, которые я принимаю, сотрут его. Как ластик для чернил.

Симон проследил за взглядом адвоката, который изучал полочку рядом с кроватью.

– Интерферон я больше не принимаю. Врач считает, что сейчас можно обойтись и без него. Но Карина рассказала мне правду.

– Что именно?

– Побочные эффекты очень опасны. – Симон слегка улыбнулся и быстро приподнял парик. – Нельзя уничтожить эту штуку, не убив при этом меня самого. Четыре недели назад я даже заболел воспалением легких, и меня перевели в отделение реанимации. После этого больше не было ни химио-, ни лучевой терапии.

– Мне очень жаль.

– Мне нет. Сейчас у меня хотя бы не идет кровь из носа, а тошнота бывает только по утрам. – Симон сел в кровати и подоткнул себе под спину подушку-цилиндр. – А теперь вопрос вам, – сказал он, пытаясь подражать взрослым, которых видел в детективных сериалах по телевизору. – Вы возьметесь за мое дело?

Адвокат засмеялся и впервые выглядел как человек, которого можно полюбить.

– Еще не знаю.

– В общем, дело обстоит так. Я боюсь, что сделал нечто нехорошее. Я не хочу...

«...умереть, не зная, правда ли я виновен», – хотел сказать он. Но взрослые всегда так странно реагировали, когда он заговаривал о смерти. Они грустнели и гладили его по щеке или быстро меняли тему. Симон не договорил, решив, что адвокат и так его понял.

– Я пришел, чтобы задать тебе несколько вопросов, – поспешно произнес Штерн.

– Валяйте.

– Ну, я хотел бы знать, что ты делал в свой день рождения.

– Вы имеете в виду сеанс регрессивного гипноза у доктора Тифензее?

– Да, именно. – Защитник по уголовным делам раскрыл блокнот в кожаном переплете и приготовился записывать маленькой ручкой. – Я хочу знать об этом все. Что ты там пережил и что еще знаешь о трупе.

– О котором трупе? – Симон перестал улыбаться, когда на лице Роберта Штерна отразилось замешательство.

– Мужчины, которого мы нашли. Которого ты... э-э-э...

– А, вы о том парне, которого я зарубил топором, – ответил Симон с облегчением, что недоразумение прояснилось. Только его адвокат казался по-прежнему озадаченным. Поэтому Симон попытался ему все объяснить и закрыл глаза. Так получалось лучше всего, когда он хотел сосредоточиться на голосах, звучавших у него в голове, и на ужасающих картинках, которые становились отчетливее после каждого обморока.

Задушенный полиэтиленовым пакетом мужчина в гараже.

Кричащий ребенок на плите.

Кровь на стенах автофургона.

Он был в состоянии вынести эти сцены только потому, что все это случилось давно. Десятилетия назад.

В какой-то другой жизни.

– Существует не один труп, – тихо сказал Симон и снова открыл глаза. – Я убил много людей.

– Подожди. Не торопись так, помедленнее, расскажи все по порядку.

Штерн подошел к подоконнику и коснулся пальцами рисунка, приклеенного к стеклу. Симон нарисовал восковыми мелками удивительно выразительную церковь, перед которой сочно зеленела лужайка. По какой-то причине он подписал картину «Плут».

Штерн снова повернулся к мальчику.

– У тебя эти... эти плохие воспоминания, – Штерн не сумел подобрать более подходящего слова, – бывали и раньше?

Он спрашивал себя, как объяснить этот разговор кому-то непосвященному. Симон, видимо, верил не только в реинкарнацию, но и в то, что он серийный убийца.

– Нет. Только со дня рождения. – Мальчик схватил с тумбочки упаковку сока и вставил трубочку в отверстие. – У меня еще никогда не было сеанса регрессии.

– Расскажи-ка об этом. Как именно все происходило?

– Было весело. Только пришлось снять мои новые кеды – это глупо.

Штерн улыбнулся Симону в надежде направить его на более интересные аспекты.

– Доктор работает в классном доме. Он сказал мне, что поблизости стоит телебашня, но я ее не видел, когда мы там были.

– Он тебе давал что-нибудь, пока ты находился у него в клинике?

«Какие-то медикаменты? Наркотики? Психотропные средства».

– Да. Горячее молоко с медом. Мне понравилось. Потом я должен был прилечь. На голубой мат на полу. Карина была со мной и укрыла меня двумя пледами. Было очень тепло и уютно. Только голова торчала.

– А что доктор сделал потом? – Штерн колебался, называя ученое звание, так как был уверен, что Тифензее или подделал, или купил его.

– Вообще-то ничего. Я его больше не видел.

– Но он находился в комнате?

– Да, конечно. Он говорил. Очень долго. Мягким и приятным голосом. Как у типа в моих радиопьесах, знаешь?

Штерн отметил про себя, что Симон в первый раз обратился к нему на «ты», и обрадовался этому маленькому знаку доверия.

– И что же рассказывал господин Тифензее?

– Он сказал: «Обычно я такого с детьми в твоём возрасте не провожу».

«Какое утешение, – подумал Штерн с сарказмом. – То есть обычно шарлатан обманывает только совершеннолетних».

– Но из-за моей болезни и Карины он сделал исключение.

Карина. Штерн заштриховал ручкой пустое пространство букв в ее имени в своем блокноте и решил, что сегодня же спросит ее, что связывает их с мошенником. Она определенно выбрала Тифензее не просто так.

– Он задавал много вопросов. О лучших событиях в моей жизни. Где мне понравилось: в отпуске, у друзей или на ярмарке. Потом я должен был подумать о самом лучшем на Земле месте и закрыть глаза.

Погружение пациента в сомнамбулическое состояние... Штерн непроизвольно кивнул, когда описание Симона напомнило ему ключевое слово, на которое он много раз наткнулся

вчера вечером в Интернете. После необдуманного звонка Софи он уселся перед компьютером. Введя одно-единственное слово в поисковике, сразу же вышел на тысячи парапсихологических веб-страниц разных чокнутых и фанатов эзотерики; однако потом нашел и солидные источники, которые всерьез занимались темой регрессивного гипноза. Большинство предупреждали об опасностях. Многие, что удивительно, не ставили под сомнение возможность реинкарнации как таковой, но предостерегали о последствиях, вреде для психики, например, если подвергающийся регрессивному гипнозу повторно переживет во время сеанса сильную травму из своего прошлого.

– Я думал о красивом пляже, – продолжал Симон. – Где мы с друзьями веселимся на вечеринке и едим мороженое.

– Что случилось потом?

– Я почувствовал усталость. А затем доктор спросил меня, вижу ли я большой выключатель.

Зрачки Симона дрожали и дергались, и Штерн испугался, что мальчик от одних этих рассказов опять потеряет сознание. Но пока он еще не кашлял. От Карины Штерн знал, что после пережитой пневмонии это всегда предвестник эпилептического приступа или обморока. Как позавчера, в подвале.

– Я искал выключатель у себя в голове. Тот, которым можно включить и выключить свет.

– Нашел?

– Да. Не сразу, но нашел. Было как-то не по себе, потому что я держал глаза закрытыми.

Штерн знал, что сейчас последует. Чтобы манипулировать пациентом, терапевт должен отключить его сознание. Пластичное выключение сознания с помощью воображаемого выключателя считалось любимым методом. После этого парапсихолог мог спокойно внушить пациенту что угодно. Штерн только не понимал мотива, который мог толкнуть на это Тифензее. Почему Симон? Почему он выбрал именно смертельно больного мальчика с неоперабельным раком? И почему Карина всего этого не заметила? Она, конечно, фантазерка и верит в сверхъестественные явления, но ни за что бы не позволила использовать ребенка в таких дурных целях. Тем более собственного пациента.

– Сначала у меня не получалось. Я не мог его выключить, – продолжал Симон спокойным голосом. – Выключатель постоянно выскальзывал и возвращался в прежнее положение. Было смешно, но доктор Тифензее дал мне скотч.

– Скотч?

– Да. Понарошку. В моем воображении. Я должен был мысленно заклеить выключатель скотчем. У меня получилось, и я вошел в лифт.

Штерн ничего не сказал, чтобы больше не отвлекать мальчика на этом решающем месте. Потому что сейчас наконец начиналось самое интересное – непосредственно регрессивный гипноз. Путешествие в подсознание.

– В лифте была золотая латунная табличка с множеством кнопок. Я мог выбрать любую и нажал на «одиннадцать». Лифт дернулся, и я поехал вниз. Кабина опускалась очень долго. Когда наконец двери открылись, я сделал шаг вперед. Вышел и...

«...увидел мир до моего рождения», – мысленно продолжил за него Штерн и удивился, когда Симон закончил предложение совсем по-другому:

– ...не увидел ничего. Совсем ничего. Вокруг меня все было черным.

Взгляд Симона снова прояснился. Он сделал еще один глоток яблочного сока. Когда мальчик снова поставил упаковку на поднос на прикроватной тумбочке, его футболка слегка задралась, и Штерн внутренне содрогнулся. На долю секунды на бедре Симона мелькнуло продолговатое родимое пятно.

«Шрамы из прошлой жизни!» – непроизвольно подумал он. Но изменение на коже несколько не походило на родимое пятно Феликса. Или мальчика на видео. Однако неизбежно напомнило Штерну о статье Яна Стивенсона, которую он прочел сегодня утром. Умерший профессор и главный психиатр Виргинского университета был одним из немногих исследователей реинкарнации, чьи работы, посвященные изучению отдельных случаев, всерьез обсуждались признанными учеными. Стивенсон придерживался мнения, что рубцы, шрамы и родимые пятна являются своего рода картами души и отображают травмы и ранения человека в прошлой жизни. Канадец собрал сотни историй болезней и протоколов результатов вскрытия и нашел в них удивительные сходства с изменениями кожи у якобы реинкарнированных детей.

– Сейчас я не понимаю. – Штерн попытался снова полностью сконцентрироваться на словах Симона. – Откуда ты тогда знал о трупe, если даже не видел его на приеме у доктора Тифензее?

– Ну, вообще-то я кое-что видел. Но лишь когда проснулся. Карина сказала, я проспал два часа. Я еще помню, как расстроился. Это ведь был мой день рождения, а на улице уже стемнело.

– И когда ты проснулся, появились эти страшные воспоминания?

– Не сразу. А когда сел в машину, и Карина спросила меня, как все прошло. Тут я ей и рассказал. Про картинки.

– Какие картинки?

– Те, что у меня в голове. Все очень размыто, словно в темноте. Как будто я вижу сон и вот-вот проснусь. Понимаешь, о чем я?

– Да, наверное. – Штерн знал, о чем говорил Симон, но его собственные сны наяву были не такими большими. Разве что он думал о Феликсе.

Симон повернул голову к окну и задумчиво посмотрел на улицу. Сначала Штерн решил, что ребенок потерял интерес к разговору и сейчас вытащит из тумбочки компьютерную игру. Но затем он увидел, что губы мальчика беззвучно шевелятся. Вероятно, Симон подбирал подходящие слова, чтобы лучше объяснить свои ощущения.

– Как-то раз в приюте мне велели поменять лампочку в подвале, – начал он тихо. – Никто из нас не хотел этого делать. Все мы боялись туда спускаться. Поэтому тянули спички, и жребий пал на меня. Было и правда жутко. С потолка на проводе свисала голая лампочка. Она напоминала теннисный мяч. С желтым налетом, покрывшаяся паутиной и слоем пыли.

И она издавала странные звуки. Как Йонас. Это мой друг. Он умеет очень громко хрустеть пальцами. Так и лампочка – включалась и выключалась, и каждый раз слышался треск, как когда Йонас щелкает суставами, пока кто-нибудь из взрослых не начнет говорить о ревматизме, и тогда он прекращает.

Штерн не задавал никаких дополнительных вопросов и не перебивал Симона. При этом смотрел на собственные руки, которые непроизвольно сложились, как для молитвы.

– Когда я спустился в подвал, где сушилось белье, услышал громкий треск, и лампочка замигала. Включалась и выключалась. То ненадолго становилось светло, то вдруг снова все погружалось во тьму. Но даже когда было светло, я видел не все. Лампочка была слишком грязная. А так как она мигала, казалось, что все вокруг движется. Конечно, я знал: с одной стороны развешано постельное белье и полотенца. А с другой стоят корзины с нашими штанами и футболками. Но свет дрожал сильнее, чем я сам, и я боялся, что за простынями кто-то стоит и сейчас схватит меня. Тогда я был совсем маленький и от страха чуть не наделал в штаны.

Штерн приподнял брови и одновременно кивнул. С одной стороны, потому, что он мог понять страх мальчика. С другой – потому, что ему постепенно становилось понятно, что тот хотел этим сказать.

– Сейчас снова так? С картинками, которые ты видишь?

– Да. Когда я вспоминаю свою прошлую жизнь, это как в тот день в приюте. Я снова в подвале, и грязная лампа мигает.

Щелк. Щелк.

– Поэтому я вижу только очертания, тени. Все размыто... Но мне кажется, от ночи к ночи все становится ярче.

– Имеешь в виду, с каждым разом, когда просыпаешься, ты помнишь все больше?

– Да. Например, вчера я уже не был так уверен, что убил того мужчину. Топором. Но сегодня утром сомнений не осталось. Точно как с этим числом.

Щелк.

– Каким числом?

– Шесть. Оно просто нарисовано.

– Где?

Щелк. Щелк.

– На металлической двери. Она стоит где-то у воды.

Штерну вдруг сильно захотелось пить. Во рту появился неприятный привкус, от которого хотелось избавиться. Как и от ужасного подозрения, которое вызвали у него слова Симона.

– Что там произошло? – спросил он, вовсе не желая этого знать.

Что случилось за дверью. С числом шесть.

Снаружи в коридоре мужчина что-то насвистывал, шаги то приближались к двери, то удалялись, но мозг Штерна отфильтровывал все отвлекающие звуки, оставляя лишь слова мальчика. Фразы, которые описывали агонию мужчины, которого Симон убил двенадцать лет назад.

За два года до своего рождения.

Штерн мечтал, чтобы им кто-нибудь помешал, тогда ему не придется узнать всех подробностей. О зубчатом ноже, которым жертва перед смертью могла нанести травму нападавшему. Примерно там, где у Симона находилось родимое пятно кофейного цвета.

Роберт беспомощно смотрел на дверь, но она оставалась закрытой. Ни врач, ни медсестра не прервали ужасные откровения, которыми Симон делился почти безучастным тоном. Свои большие глаза он снова закрыл.

— Ты знаешь адрес? — тяжело дыша, спросил Штерн, когда мальчик наконец закончил. Кровь в ушах шумела так сильно, что он едва слышал сам себя.

— Не думаю. Хотя... Наверное.

Симон произнес еще одно слово, но этого хватило, чтобы у Штерна по всему телу побежали мурашки. Роберт знал это место. Раньше он иногда прогуливался там. С Софи. Когда она была беременна.

– У меня нет ордера на обыск. Я ведь не полицейский.

Штерн задавался вопросом, ходил ли этот тип с пирсингом в носу и грязными волосами в школу. Верхняя губа шалопаю открывала десны, что вместе с перекрывающим прикусом усиливало впечатление постоянной ухмылки.

– Тогда не получится, – прошепелявил Слай и закинул ноги на стол. Парень представился этим глупым псевдонимом задавалы, когда несколькими минутами раньше Штерн вошел в маленькое бюро логистической компании, расположенное на первом этаже.

– А что вам нужно в шестом? Думаю, мы вообще больше не сдаем гаражи с однозначными номерами.

В больнице Симон смог лишь приблизительно вспомнить адрес. Но и одного указания «Гаражи на Шпрее» было бы достаточно. Штерн знал ветхие складские помещения рядом с каналом на улице Старый Моабит. Головной офис исконно берлинской фирмы располагался в кирпичной постройке песочного цвета прямо у воды. Чуть дальше стояли сараи – клиенты использовали их для временного хранения мебели, электроприборов и прочего хлама. С тех пор как иностранные разнорабочие таскали стиральные машины уже за 2,5 евро в час, дела шли так себе, и поэтому владелец компании вот уже несколько лет ничего не ремонтировал и не обновлял. В затхлом бюро пахло одновременно дымом и туалетом, что, видимо, объяснялось ароматизаторами воздуха, которые Слай подвесил на потолочную лампу, чтобы избавить себя от необходимости регулярно проветривать помещение. Неудивительно, что закрытые жалюзи покрылись плесенью до самого потолка. Штерну казалось непостижимым, почему именно в такой хмурый, дождливый осенний день, как сегодня, кто-то добровольно отказывается впустить немного дневного света в свою комнату.

– Я управляющий наследством и разыскиваю наследников огромного состояния, – монотонно проговорил Штерн свою легенду, которую выдумал по пути из больницы. – Мы подозреваем, что в гараже номер шесть находятся кое-какие свидетельства, которые могут быть нам полезны.

Продолжая говорить, он открыл бумажник и вытащил два банкнота. Слай убрал ноги со стола, а его глуповатая улыбка стала еще шире.

– Я не буду рисковать работой за сотню, – изобразил он негодование.

– Еще как будешь.

Штерн повернулся к пытящему мужчине, который в этот момент шумно вошел в бюро, и убрал деньги обратно в бумажник.

– Черт, здесь воняет, как в крысиной сауне, – выругался обливающийся потом лысый, чей вид напоминал статую стоящего Будды. На спине Анди Борхерта можно было бы легко закрепить широкоэкрannую телевизионную панель, и она не выступала бы за его плечи.

– Кто вы, черт возьми? – вскочил на ноги Слай. Улыбка тут же исчезла с его лица.

– Не стоит так утруждаться, можешь не вставать.

Борхерт легко усадил молодчика обратно на стул и подошел к доске с ключами, которая висела на стене рядом с картой Берлина.

– О каком гараже идет речь, Роберт?

– Номер шесть. – Штерн спрашивал себя, правильно ли он поступил, заранее позвонив одному из своих клиентов и попросив о помощи.

Он был знаком со специфическими методами Андреаса Борхерта решать проблемы, потому что именно они два года назад практически засадили того за решетку. Тогда Борхерт еще был продюсером дешевых «фильмов для взрослых». Грязных хард-кор-порно, на которых он сделал небольшое состояние, пока однажды на съемочной площадке жестоко не изнасиловали исполнительницу главной роли. Процесс вызвал большой общественный резонанс, и все указывало на Борхерта, но Штерн сумел убедить суд в обратном. Анди отделался условным наказанием, когда после оправдания самостоятельно отыскал насильника и избил так, что тот был не в состоянии дать показания. Благодаря ловкой тактике Штерну удалось добиться значительного смягчения меры наказания, что невольно обеспечило ему закадычную дружбу с Борхертом.

– Если вызовешь фараонов, то мы встретимся с тобой в другом месте, – пропыхтел Анди в сторону Слая, снимая с доски нужный ключ. – А именно у тебя дома. Тебе ясно?

Штерн не смог сдержать улыбку, когда его бывший подзащитный с этими словами покинул бюро, не дожидаясь робкого кивка сотрудника транспортно-экспедиционной компании.

Штерн последовал за Борхертом и тяжело зашагал по гравийной дорожке к гаражам.

– С теми, кто не закончил школу, разговор короткий.

Через шаг Борхерт ступал своими белыми боксерскими ботинками в лужи, но, казалось, не замечал этого. Капли пота катились у него по вискам. Благодаря этой особенности – потеть при малейшей физической нагрузке – он получил множество разных прозвищ. Мистер Рубенс, Сумо, Потовая Железа... Борхерт знал их все, хотя никто никогда не называл его так в глаза.

– Из разговора по телефону я понял, что тебе нужна помощь, потому что один десятилетний мальчик убил мужчину, верно?

– Несколько мужчин, если быть точным. – Пока они шли по территории транспортной компании, Штерн рассказал ему безумную историю. Чем больше он говорил, тем недоверчивее становилось выражение лица бывшего подзащитного.

Наконец они остановились перед ржавым контейнером для строительного мусора, куда как раз забралась черная кошка.

– Убил? Пятнадцать лет назад, в прошлой жизни? Да ты мне мозги дуришь!

– Думаешь, я обратился бы к тебе, будь у меня выбор? – Штерн откинул волосы назад и сделал Борхерту знак следовать за ним к гаражу.

– С тех пор как я вчера обнаружил труп, Мартин Энглер занимается этим делом. Комиссар, который и в тебя тогда вцепился.

– Я помню этого говнюка.

– А он не забыл, как я сорвал ему арест.

Энглер, ведя расследование, допустил оплошность и не заглянул в медицинскую карту Борхерта. Анди с юного возраста страдал частичной эректильной дисфункцией. Выражаясь понятнее: он был практически импотент, эрекция у него наступала только после продолжительной прелюдии и в знакомой обстановке. Анди никак не мог изнасиловать девушку.

Борхерт был навеки благодарен Штерну за то, что тот добился не только оправдания, но и закрытого слушания дела. Порнопродюсер, у которого не встает, – да он стал бы настоящим посмешищем. И хотя благодаря Штерну пикантные подробности не вышли наружу, после судебного разбирательства Борхерт оставил киноиндустрию и открыл несколько успешных

дискотек в Берлине и окрестностях.

– Он с превеликим удовольствием пришлет мне какое-нибудь дело.

– Я тебе, конечно, помогу, только ничего не понимаю. Почему ты позволяешь себя в это впутывать? – Борхерт пнул пустую банку из-под пива, подвернувшуюся под ноги.

– Я просто взялся за дело этого мальчика, ясно? – Штерн ушел от прямого ответа.

Он пока не хотел рассказывать Борхерту о DVD: тогда сразу стало бы понятно, почему Штерну необходим защитник. Анди – единственный из его знакомых, кто был достаточно хладнокровен, чтобы без особых разъяснений копаться для него в грязи. Правда, Штерн боялся, что бывший клиент посчитает его сумасшедшим, если узнает, по какой именно причине он решил следовать по дорожкам, которые, по собственным признаниям, проложил в прошлой жизни Симон.

«А может, я действительно рехнулся?» – подумал он. Сошел с ума. С одной стороны, есть то двухминутное видео, а с другой – все законы природы отрицают предположение, что Феликс все еще жив. Но они также исключают вероятность того, что Симон может помнить убийства, которые случились задолго до его рождения.

– Хорошо, больше никаких вопросов, ваша честь. – Борхерт поднял руки, словно Штерн наставил на него пистолет. – Но, пожалуйста, не говори мне сейчас, что мы ищем здесь еще один труп.

– Именно. Я только что был у Симона в больнице, и он назвал мне этот адрес.

Морозящий дождик утих, и Штерн наконец мог смотреть вперед, не моргая беспрестанно из-за мелких капель, попадавших в глаза. До металлических ворот гаража под номером 6 оставалось самое большее метров пятьдесят. Это была часть блока неприглядных сараев на самом берегу Шпрее, на расстоянии броска камня до воды.

– Симон говорит, что двенадцать лет назад отрубил ему ноги, иначе он не помещался в холодильник.

Штерн не знал, что именно ожидал увидеть, когда они открыли дверь. Может, стаю крыс, грызущих человеческую руку на каменном полу, или вибрирующий рой плодовых и навозных мух, которые черным облаком трепетали над полуоткрытым холодильником. Его внутренний взор был готов к любому предвестнику смерти, и поэтому реальная картина так сильно удручила его.

При этом он должен был испытать скорее облегчение по поводу пустого гаража. Никакой мебели. Никаких электроприборов. Никаких книг. Свет от пыльной лампочки падал только на две небольшие коробки со старой посудой и потертый офисный стул. Штерн почувствовал, как внутри его открылся какой-то клапан, через который улетучилась надежда. Он мучительно осознал, с какой невероятной силой желал найти в гараже что-то неживое, бездыханное. Чем необъяснимее становились воспоминания Симона в настоящем, тем вероятнее казалась связь между Феликсом и десятилетним мальчиком с родимым пятном на плече.

Штерн не мог поверить, что действительно составил в подсознании такое иррациональное уравнение.

– Вот и твоя ерунда по фэн-шуй, – пробурчал себе под нос Борхерт.

Роберт не стал объяснять ему, что классическая китайская философия освоения пространства не имеет ничего общего с переселением душ или реинкарнацией. Для владельца дискотек все, что он не мог потрогать руками, было спиритуальной психологической чепухой, выдуманной людьми, которым просто нечем заняться.

Именно этот незамысловатый подход к жизни еще недавно так нравился Штерну.

– А что сейчас? – спросил Борхерт, когда Штерн вдруг опустился на четвереньки.

Штерн ответил не сразу. Он проверил пальцами все желобки и пазы в пыльном полу, сознавая бессмысленность своих действий задолго до того, как закончил.

– Ложная тревога, – наконец заявил он и, вставая, стряхнул руками пыль с пальто из верблюжьей шерсти. – Двойного дна нет. Ничего.

– Странно. Ведь твоя история казалась такой правдоподобной, – издевался Борхерт. По какой-то причине у него на лбу снова образовались капельки пота, хотя он даже с места не сдвинулся за последние минуты.

Выходя, Штерн окинул помещение задумчивым взглядом, потом выключил свет и предоставил помощнику запереть внушительную дверь.

– Не пойму, – пробормотал он под нос, словно обращаясь к себе. – Здесь что-то не так.

– Вот теперь мне тоже так кажется. – Борхерт вытащил ключ из замочной скважины и ухмыльнулся Штерну. – Может, то, что мы в дождь ищем в гараже какой-то труп?

– Нет. Я не это имею в виду. Будь ты позавчера на той заброшенной фабрике, сейчас бы меня понял. Послушай, в последние месяцы этот мальчик находился только в больнице, до этого в приюте. Как он мог узнать о трупе в подвале промышленной постройки? Он даже назвал приблизительную дату смерти.

– Это где-то подтвердили?

– Да, – ответил Штерн, не называя источник. Пока что приходится доверять голосу на видео.

– Тогда ему просто кто-то сказал.

– Я тоже так думал, но все равно многое не сходится.

Борхерт пожал плечами:

– Я слышал, у маленьких детей бывают невидимые друзья, с которыми они разговаривают.

– Возможно, в четырехлетнем возрасте. Симон не шизофреник, если ты на это намекаешь. У него нет никаких бредовых представлений. Парень с разmozженным черепом реальный. Я сам его нашел. И вот это. Шестерка. – Штерн указал на облезлую цифру на двери. – Она нарисована на воротах точно так, как описал Симон.

– Значит, он был здесь и видел гараж.

– Он из приюта. В Карлсхорсте. Почти в часе езды на машине отсюда. Это очень маловероятно. Но даже в таком случае все это не имеет никакого смысла. Почему Симон считает, что он сам убийца, если ему об этом кто-то рассказал?

– Что это у нас? Викторина? Откуда мне знать? – фыркнул Борхерт, но Штерн его больше не слушал. Он задавал вопросы для того, чтобы привести в порядок свои мысли, а не ради убедительных ответов.

– Ладно, предположим, кто-то использует Симона. Почему убийца выбрал именно маленького мальчика, чтобы привести нас к трупу? Зачем такие сложности? Он может просто взять телефон и позвонить в полицию.

– Эй, вы там! – долетело до них от входа в главное здание. Невысокий мужчина в голубом комбинезоне вразвалку и немного криво направился к ним по мокрому двору.

– Это хозяин. Ему принадлежит транспортно-логистическая фирма, – пояснил Борхерт. – Не удивляйся, он перетаскал слишком много коробок, и его перекосило из-за межпозвоночной грыжи.

– Что вы, придурки, делаете на моей территории? – крикнул он, размахивая руками, и Штерн уже внутренне приготовился к следующей стычке. Но тут хозяин компании неожиданно остановился и гортанно рассмеялся. – А, это ты, Борхерт. Теперь я знаю, почему мой бестолковый племянник наделал в штаны.

– Тебя не было, а мы торопились, Гизбах.

– Ничего, ничего. Мог бы и позвонить.

Хозяин забрал у Борхерта ключ и посмотрел на Штерна:

– Номер шесть, да?

Роберту хотелось повнимательнее рассмотреть загрубевшее от ветра и солнца лицо шефа логистической фирмы, но он отвернулся, когда увидел нити слюны, которые появлялись у Гизбаха между губами при каждом слове, словно тот жевал кусок сырной пиццы.

– Что вам там было нужно?

– Мой товарищ ищет жилье, – ухмыльнулся Борхерт.

– Просто спросил. Как нарочно, номер шесть.

– Почему «как нарочно»? – поинтересовался Штерн.

– Это единственный гараж, который я сдал на длительный срок.

– Кому?

– Думаешь, меня это интересует, если человек платит наличными? За десять лет вперед?

– Но зачем кому-то снимать пустой гараж?

– Пустой?

В тот момент, когда старик язвительно рассмеялся, Штерн понял, что упустил кое-что в гараже. Следы волочения. В пыли.

— Он был забит до потолка. На прошлой неделе мы все выбросили, после того как истек договор.

— Что?! — одновременно воскликнули Борхерт и Штерн.

— Куда вы вывезли мебель?

— Туда, где ей и место. На свалку крупногабаритного мусора.

Сердце Штерна замерло на пару секунд, когда он проследил за взглядом скрюченного хозяина. И вдруг она вернулась. Надежда.

— Нам стоило сделать это еще два года назад. Освободить от хлама. Мы не заметили, что договор истек, так как уже давно не сдаем гаражи с однозначными номерами. Они все равно пойдут под снос.

Роберт развернулся и не торопясь, как в замедленной съемке, направился к ржаво-коричневому контейнеру, мимо которого они уже проходили. Когда он подошел так близко, что смог заглянуть через край, обнаружил, что черная кошка все еще там. Она сидела на стопке старых газет перед пожелтевшим ящиком — и похоже, ей нравилось негерметичное место агрегата, из которого капала желтоватая жидкость. В любом случае она не обратила никакого внимания на Штерна, который залез в контейнер. Кошка продолжала лизать резиновое уплотнение старого холодильника — такая модель точно не продавалась уже лет двенадцать.

– Как ты себе это представляешь?

Карина ногой захлопнула дверцу машины и, прижимая сотовый телефон к уху, пошла по подъездной дорожке к больнице. Ей пришлось оставить машину перед клиникой, потому что все места на парковке для персонала были заняты транспортными средствами, которые наверняка стояли там незаконно. Но если подумать, на служебной парковке ей все равно больше делать нечего. Официально Карина в отпуске. Неофициально она уже может подыскивать себе другую работу.

– Клиника ведь не тюрьма строгого режима! – услышала она слова Штерна. Его голос пропадал и иногда прерывался дорожным шумом. – Наверняка существует возможность вытащить оттуда Симона.

Телефонный разговор ей совсем не нравился. Два дня она тщетно ждала от Роберта хоть какого-то признака жизни. А теперь вот такое! Вместо того чтобы спокойно обсудить с ней необъяснимые происшествия, он, видимо, изо всех сил старался усугубить проблемы, в которых она погрязла.

– Что ты хочешь от Симона?

– То, о чем он меня просил. Проверяю его показания.

Просто отлично.

Сама виновата. В конечном счете, это она свела их. Она же хотела, чтобы он позаботился о мальчике.

Но не так!

Не в качестве его адвоката. Честно говоря, она витала в облаках, когда организовывала эту встречу. Конечно, для нее на первом месте стоял Симон. Из-за ее дурацкой идеи с регрессивным гипнозом его страх смерти теперь сменился куда худшими переживаниями. Мальчик считал себя убийцей, и она должна остановить это сумасшествие.

Для спуска в подвал Роберт был ей не нужен. Наверное, Пикассо оказался бы гораздо полезнее. Нет, она хотела свести Роберта и Симона. Она вполне серьезно надеялась, что между ними установится особая связь: адвокат развеет переживания ребенка, а тот, в качестве награды, затронет его душу. Потому что, несмотря на собственную болезнь, Симон обладал непостижимой способностью: одно его присутствие заставляло улыбаться печальных людей в больнице и рассеивало их туманную пелену из депрессии и меланхолии.

«Да, я такая дура, – подумала она. – Каждый шаг – ошибка».

Карина взглянула на часы и спросила себя, действительно ли все это сумасшествие началось только двадцать четыре часа назад. Было около одиннадцати утра, и она не помнила, чтобы когда-либо входила в клинику в такой час.

– Что ты хочешь от него услышать? – хрипло прошептала она в телефон. Поприветствовала пробегающую мимо коллегу, подняв руку, в которой держала пустую спортивную сумку. Вообще-то Карина вернулась, чтобы забрать из шкафчика личные вещи и попрощаться с коллегами. То, чего требовал от нее Штерн, не значилось в повестке.

– Я был у него сегодня утром, и он сообщил мне новое место. Ты не поверишь: мы действительно нашли еще одного.

– Еще одного? Ты о ком? – Карина взбежала по пандусу для кресел-каталок ко входу. Ветер трепал ее волосы, закидывая пряди с затылка на лицо, и она зябла. Кто-то словно дул

ей сзади в шею через трубочку.

– Труп. Он был в холодильнике. Задушен полиэтиленовым пакетом, все, как описал Симон.

У Карины не получилось улыбнуться портье в знак приветствия, и она поспешила дальше к лифтам.

У нее закружилась голова. Карина всегда догадывалась, что общение с Робертом Штерном когда-то принесет ей серьезные неприятности. Уже три года она не слушала ни внутренние, ни даже внешние голоса, которые предупреждали ее об опасности заражения. От его унылой, мрачной души как будто исходило радиоактивное излучение. Невидимое, но с тяжелыми последствиями для всех, кто под него попадал; и она тоже опасалась передозировки негативной энергии, когда слишком тесно с ним общалась. Но она все равно искала его близости, пренебрегая всеми мерами защиты. Видимо, на этот раз она слишком близко подошла к Роберту. Их общие приключения угрожали уже не только ее душевному состоянию.

– И мы кое-что обнаружили рядом с трупом.

Мы? Она удивилась, но задала гораздо более важный вопрос:

– Что?

На кнопке вызова лифта остался влажный отпечаток, когда Карина отняла палец.

– Листок. Он лежал вместе с трупом. Точнее, торчал у него между пальцев.

– И что на нем? – Карина вовсе не хотела знать.

– Ты это уже видела.

– Что ты имеешь в виду?

– У Симона. В его комнате.

– Это шутка.

Двери лифта открылись, как в замедленной съемке, и Карина нервно застучала ногтями по алюминиевой поверхности двери. Она хотела как можно скорее спрятаться в коконе закрытой кабины.

– Это детский рисунок, – объяснил Штерн. – Маленькая церковь на поляне.

«Этого не может быть».

Карина нажала на кнопку неврологии и закрыла глаза.

«Рисунок у Симона на окне. Он нарисовал его три дня назад. После сеанса регрессивного гипноза».

– Теперь ты понимаешь, почему я должен его увидеть?

– Да, – прошептала Карина, хотя вообще больше ничего не понимала. Она снова чувствовала себя как три года назад, когда их отношения разрушились. Тогда, когда Штерн нажал на стоп-кран, потому что, по его мнению, все развивалось слишком быстро.

– Пожалуйста, приведи Симона к зоопарку, – попросил Штерн. – Встретимся через полтора часа перед воротами со слонами. Там на нас с ребенком не обратят внимания.

– К чему такие сложности? Почему тебе просто не прийти к нему в клинику?

– Это уже второй труп, и каждый раз я первым появляюсь на месте преступления. Представляешь, где я у Энглера в списке подозреваемых?

– Понимаю, – выдохнула Карина. Двери лифта открылись, и Карине пришлось побороть себя, чтобы не вернуться вниз, на первый этаж. Сейчас ей хотелось одного – просто исчезнуть.

– Поэтому я смылся до прибытия полиции. Но они узнают, что я снова нашел труп. Это

лишь вопрос времени. У меня небольшое временное преимущество, и я хочу его использовать.

— Для чего?

Штерн глубоко выдохнул, прежде чем ответить, и Карине показалось, что она услышала недоверие в его голосе, пока открывала дверь палаты номер 217.

— У меня назначена еще одна встреча. С одним твоим другом.

В обычной ситуации Карина тут же спросила бы, на что он намекает. Но ей не хватило слов. Она знала, что в это время Симон всегда смотрит повтор своего любимого детективного сериала. Но сейчас телевизор работал впустую.

Кровать Симона была пуста.

– Значит, вы хотите его допросить?

Профессор Г. Й. Мюллер начеркал свою практически нечитаемую подпись под письмом коллеге, главному врачу в Майнце, и захлопнул папку с документами. Потом взял серебряный нож для вскрытия писем и удалил им голубую ворсинку из-под ногтя большого пальца.

– «Допросить» – абсолютно неверное слово в этом контексте. – Полицейский, который сел напротив, откашлялся. – Мы просто хотим задать ему пару вопросов.

«Как бы не так, – подумал Мюллер и принялся изучать мужчину, который представился ему как комиссар Брандман. – Вряд ли это будет обычным расспросом».

– Не знаю, могу ли дать согласие. Это вообще разрешено?

– Да, конечно.

Правда? Мюллер не мог себе представить, что для этого не нужно никакого особого разрешения. От начальника полиции или, на крайний случай, от прокурора.

– А где ваш напарник? – Мюллер посмотрел на еженедельник перед собой. – Моя секретарша называла господина Денглера, если я не ошибаюсь?

– Энглер, – поправил Брандман. – Мой коллега приносит извинения. Он вынужден был уехать на место преступления, которое, по всей видимости, находится в прямой взаимосвязи с этим делом.

– Понимаю. – Главврач поджал губы, что всегда делал во время осмотра больного. На короткое время тучный мужчина, сидящий перед ним на стуле, превратился из полицейского в пациента, которому Мюллер, кроме диеты, посоветовал бы обследование щитовидной железы: судя по выпирающему кадыку, это не помешает.

Он помотал головой и положил нож для вскрытия писем на рецептурные бланки.

– Нет. Мой ответ: нет. Я не хочу подвергать пациента ненужному стрессу. Я полагаю, вам известен его диагноз? – Мюллер переплел свои тонкие пальцы. – Симон Сакс страдает от СПНЭО, супратенториальной примитивной нейроэктодермальной опухоли головного мозга. Она разрастается из правой части мозга в левую. То есть уже затронула мозолистое тело. Я лично проводил биопсию и после вскрытия черепа счел опухоль неоперабельной. – Главврач постарался услужливо улыбнуться. – Или же позвольте мне выразить это доступным для неспециалиста языком: Симон тяжело болен.

– Именно поэтому мы хотим как можно скорее провести с ним данный тест. Это избавит его от множества надоедливых вопросов и сэкономит нам кучу времени. Насколько я знаю, мальчик уже чуть было не умер от воспаления легких.

Ага. Вот откуда ветер дует.

Ребенок был их самым главным свидетелем. Они хотят допросить его, пока это еще возможно.

После того как химио- и лучевая терапия спровоцировали смертельно опасную пневмонию, Мюллер вопреки советам коллег решил прекратить агрессивное лечение. Такая мера вряд ли продлит жизнь, но точно облегчит страдания пациента.

– Все верно, – ответил профессор. – В настоящий момент Симон принимает только кортизон против отека головного мозга и карбамазепин от приступов. Я направил его на дополнительное обследование, с помощью которого хочу выяснить, не стоит ли нам все же

возобновить облучение, но вероятность, к сожалению, очень мала.

Невролог встал из-за стола и подошел к громоздкой кафедре рядом с окном.

– Насколько вы продвинулись с расследованием? Вы уже знаете, кто этот убитый, которого вы нашли вчера с помощью Симона?

– Давайте я скажу так... – Брандман, как черепаха, повернул морщинистую шею в сторону профессора. – Если в Симоне действительно кто-то реинкарнировался, то в прошлой жизни он сделал нам очень большое одолжение.

– Значит, убитый был преступник?

– Да. И еще какой отпетый. Гаральд Цукер бесследно исчез пятнадцать лет назад. С тех пор Интерпол подозревал его в причастности к ужасным преступлениям с пытками в Южной Америке. По всей видимости, ему все же не удалось скрыться.

– Цукер? – Мюллер машинально листал рукописные заметки к докладу, которые лежали на кафедре.

Неожиданно раздался стук. Дверь открылась до того, как он успел сказать «войдите». Первым Мюллер узнал медбрата, которого все в больнице называли Пикассо, хотя ничто в грубой внешности мужчины не напоминало Мюллеру об искусстве. Правая рука Пикассо лежала на плече маленького мальчика и, казалось, слегка подталкивала его в кабинет.

– Привет, Симон. – Брандман поднялся со стула и поздоровался с малышом, как со старым знакомым. Симон лишь робко кивнул. На нем были светло-голубые джинсы с накладными карманами, вельветовая куртка и новехонькие белые теннисные туфли. На шее болтались наушники от MP3-плеера.

– Как ты себя сегодня чувствуешь? – спросил главврач и вышел из-за кафедры.

Мальчик выглядел хорошо, но, возможно, все дело в парике, который немного отвлекал от бледной кожи.

– Неплохо, я только немного устал.

– Хорошо. – Мюллер потянулся, пытаясь компенсировать очевидное превосходство комиссара в росте.

– Это господин из уголовной полиции, и он хочет расспросить тебя о вчерашних событиях. Точнее, он хочет провести с тобой один тест, а я не уверен, готов ли ты к этому.

– Что за тест?

Брандман откашлялся и изо всех сил постарался изобразить подкупающую улыбку.

– Симон, ты знаешь, что такое детектор лжи?

В окрестностях Хакского рынка свободное парковочное место спонтанно появляется только в плохих фильмах, поэтому, доехав до частной клиники на Розента-лерштрассе, Борхерт на своем джипе просто встал во втором ряду. Во время поездки от Моабита^[2] до Митте^[3] Штерн сделал несколько телефонных звонков, и между всех прочих в справочное бюро, где ему сразу дали информацию относительно доктора Йоханна Тифензее. К удивлению Штерна, этот человек был не только психолог, но и психиатр, то есть дипломированный врач, и даже якобы приват-доцент на кафедре медицинского гипноза в Университете имени Гумбольдта.

[Купить полную версию книги](#)

Примечания

Фамилия Хертцлих (Hertzlich) созвучна с прилагательным herzlich – сердечный (*нем.*).

Моабит – район в центре Берлина, входит в состав округа Митте.

Митте – район в составе одноименного административного округа Берлина.